

Цена 45 коп.

5-ый год издания

В 1927 году журнал

5-ый год издания

„ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ“

даст годовым подписчикам (хотя бы вносящим плату в два срока — 15 января и 1 июля)

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

„Сборник положений о стентруде и стенобразовании“
издание ЦК ССТС.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На год (12 номеров) 4 руб., для учащихся (по удостовер. с курсов) и безработных по удост. к-тов 3 руб. На полгода 2 руб., для учащихся и безработных 1 руб. 50 коп. На $\frac{1}{4}$ года 1 руб. 20 коп., для учащихся и безработных 80 коп.

В розничной продаже цена номера — 45 коп. (для учащихся и безработных 30 коп.)

Пробный номер — 30 коп. Номера за 24-й и 25-й гг. — 20 коп., за 26-й — 25 коп.

ЦЕНА ОБЪЯВЛЕНИЙ: на последней стороне обложки $\frac{1}{5}$ стр. — 20 руб.
» 2-й » » $\frac{1}{5}$ » — 25 »

АДРЕС ДЛЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЙ: Москва, Солянка, 12, Дворец Труда, Ц. К. Совторгслужащих,
3-й этаж, „ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ“

АДРЕС КОНТОРЫ ДЛЯ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНИЙ:
Москва, ул. Герцена, 12а. Главная контора „Наша Газета“.

ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва, Центрослужащий, Стенографы.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО

При всех запросах прилагайте 8-коп. марку.

ПРИЕМ ПО ДЕЛАМ РЕДАКЦИИ: ежен. от 10 ч. до 12 ч.

НАШ ДЕВИЗ: Каждый стенограф — подписч. своего журнала.
Каждый читат. — сотрудник и корресп. журнала.

СПЕШИТЕ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ПОДПИСАТЬСЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

XX 137
28

1
Публичная Библиотека
имени
В. И. Ленина
С.С.С.Р.

СТЕНОГРАФ,
УКРЕПЛЯЮЩИЙ

ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ

№ 10 (34)

МОСКВА

1927

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОБЩИЙ ОТДЕЛ

	<i>Стр.</i>
Быть или не быть?	1
Зарубежная стенография — А. Юрковский	3

НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ

✓ Проект унитарной системы на основах системы Соколова — Н. Соколов	8
Проект унитарной системы — Б. Германов	11
Количественное изучение языка — Н. Зюскин	16
Комментарии и критика — А. Кудрявый	19

ДЛЯ УЧАЩИХ И УЧАЩИХСЯ

Стенографические гаммы — J. Estoup	22
--	----

О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

Читатель и журнал — Л. Гельфенбейн	26
Открытые письма редакции	28

ПО СССР

Ростов н/Дону, Рязань, Ярославль, Казань, Ленинград	29
---	----

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские стенографические словари — В. Л. Даниель-бек	30
--	----

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА „ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ“

Будет посвящен 10-летию Октябрьской революции и выйдет богато иллюстрированным. В нем будут помещены статьи, воспоминания и портреты наших выдающихся стенографов.

Цена отдельного номера в продаже — 75 коп.

Для учащихся и безработных — 50 коп.

Подписчики журнала, хотя бы последней четверти, получают номер без доплаты.

ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ

ОРГАН ЦК ПРОТЕЖИЗА ГОСТОРГСЛУЖАЩИХ

новобельский

продвигали

стенографы

Год изд. 5-й.

Ноябрь 1927 г.

№ 10/34

Быть или не быть?

Выпускная № 1 нашего журнала в текущем году, редакция четко наметила свои задачи и цели. Она указала также на те трудности, которые стоят перед нашим единственным стенографическим органом, именно потому, что он единственный и должен одновременно удовлетворять нужды и запросы разнообразнейших групп: теоретиков, педагогов, стенографов-практиков, учащихся и, наконец, не-стенографов.

В условиях, когда нельзя рассчитывать на несколько стенографических журналов (а это невозможно при 1.500 практиков и 6.000 учащихся), каждый читатель должен естественно примириться с тем, что в журнале не все будет его одинаково интересовать. Он должен лишь стремиться к тому, чтобы наиболее близкие ему отделы были как можно интереснее и полнее.

И если сейчас раздаются голоса некоторых практиков и учащихся о том, что журнал еще слишком академичен, слишком перегружен теоретическим материалом, — чего мы отнюдь не отрицаем, — то это, главным образом, и объясняется тем, что эти группы наших читателей и корреспондентов значительно уступают в своей активности теоретикам и педагогам. Кроме того, проблемы отбора систем и разработка унитарной настолько актуальны в настоящий период, что это также не могло не положить своего отпечатка на наш орган.

Не закрывая глаза на отдельные недостатки журнала, которые редакция совместно с читателями и должна исправлять, — мы все же должны подчеркнуть, что общая установка, данная редакцией журналу в № 1, не вызвала возражений, по крайней мере, на протяжении ряда месяцев при достаточно солидной связи с читателем мы не получили никаких указаний на то, что взятый нами курс неправилен.

Напротив, многие корреспонденты неоднократно подчеркивали все возрастающую ценность журнала, что подтверждалось и большим ростом числа их, преимущественно из группы практиков и учащихся, до 27 года бывших слабо втянутыми в работу журнала.

Нельзя не отметить и того значительного для нас факта, что за рубежом журнал не только вызывает большой интерес, но и считается одним из лучших стенографических журналов.

И, действительно, когда просматриваешь десятки европейских стенографических журналов, которые питаются, за редким исключением, новостями, становящимися «черствыми» по мере перепечатки их из одного журнала в другой, объявлениями, сообщениями о результатах бесконечных конкурсов, когда находишь в одном из богатейших европейских журналов «Revue Stenogr. Belge» меню завтрака, поданного на XIII Международном Конгрессе, — тогда сознаешь, что нам краснеть за наш орган, питающийся, главным образом, оригинальными статьями по разнообразнейшим вопросам стенографической жизни, не приходится.

Мы отнюдь не приписываем это заслугам редакции, ибо прекрасно знаем, что это, в первую очередь, заслуга советского строя. Стенографическая жизнь бьет ключом в нашей стране и это находит свое яркое отражение в «Вопросах Стенографии».

Учитывая все это (и улучшающееся содержание журнала и увеличение корреспондентов), мы, казалось бы, должны уверенно и спокойно подходить к шестому году издания, мы должны горделиво готовиться к нашему 5-летнему юбилею, имеющему быть в феврале 1928 года, к первому 5-летнему юбилею для русского стенографического органа.

Казалось бы, каждый стенограф должен рассматривать пятилетнее существование «Вопросов Стенографии» как одно из своих революционных завоеваний, как нельзя более свидетельствующих о том внимании, о том праве гражданства, которым подарила советская общественность советского стенографа.

Казалось бы... на самом же деле журнал, готовясь к празднованию великого Октября в своем ноябрьском №, одновременно с этим готовится чуть ли не к ликвидации... своего органа, ибо чрезвычайно снизившийся во втором полугодии тираж журнала вызывает сомнение в возможности и целесообразности издания журнала в 1928 году.

Правда, мы знаем, что летний период, связанный с отпусками, каникулярным временем на курсах, с падением заработка у съездовых стенографов, не может не отражаться на тираже журнала, но главная причина все же в слабой поддержке комитетов. Нет ни одного плана работ комитета, который не ставил бы своей почетной задачей распространение журнала, — но нет почти ни одного комитета, который бы перенес эту задачу из плана в жизнь, который сделал бы дело журнала органической частью своей работы.

Еще хуже положение с журналом на курсах. Ученические организации, часто меняющиеся в своем составе, менее связанные с нашим союзом вообще и с редакцией журнала, в частности, порою мало знающие даже о «Вопросах Стенографии», конечно, меньше могут сделать. Что же касается преподавателей, в большинстве являющихся активными сотрудниками «Вопр. Стен.», — они могли бы многое сделать, но, увы, не все из них этого хотят. Приведем характерную выдержку из письма к нам одного из видных педагогов крупного центра:

«Многие педагоги прямо препятствуют распространению журнала среди учащихся, так как, с одной стороны, боятся той критики иных методов и иных систем, какая порою в журнале встречается, а, с другой, — боятся, что учащийся расхолодит констатация затруднений, какие сейчас встречает применение стенографии.»

Мы не хотим бросать огульное обвинение педагогам, многие из которых являются нашими преданными друзьями, но, несомненно, указанные печальные факты на курсах также имеют место.

Как нельзя более своевременным является выступление тов. Гельфенбейна (см. стр. 26) по вопросу о журнале.

Прав тов. Гельфенбейн, когда он пишет:

«Органы ЦК различных союзов рассчитаны на многотысячную членскую массу, и если один человек из десятка подписывается на свой союзный журнал, то это дает уже тысячный тираж. Наш журнал рассчитан лишь на весьма ограниченные кадры стенографов и поэтому он вынужден делать ставку на то, чтобы каждый стенограф, каждый учащийся был подписчиком своего журнала. Иначе тираж упадет настолько низко, что журнал должен будет прекратить свое существование.»

Если эту простую истину усвоит каждый наш читатель и, осознав, передаст ее своим товарищам, не состоящими подписчиками журнала, — дело журнала будет спасено.

Стенографы не должны упускать из вида основного; мы можем спорить о различных направлениях журнала, мы можем критиковать его, можем видоизменять его содержание и направление, — все это в наших руках пока... пока журнал существует. Закрытие журнала воздвигнет глухую стену между стенографами СССР и ослабит стенографическое движение в нашей стране.

С закрытием журнала мы потеряем свое лицо не только для СССР, но и для зарубежных организаций, к немалому удовольствию многих желтых стенографических органов, в дружный хор которых мы вносим определенный диссонанс.

Можно ли это допустить?

Зарубежная стенография.

(Продолжение ¹⁾).

IV. В ФЕРБАНДЕ СИСТЕМЫ ШТОЛЬЦЕ-ШРЕЙ.

Днем 7-го июля в сопровождении Дааке я посетил высший стенографический орган последователей системы Штольце-Шрей Stenographenverband Stolze-Schrei. Нас принял фербанд-секретарь Тейс. Мы осмотрели издательство фербанда, его книжный магазин, где я заметил на стене между портретами стенографических деятелей стенограмму под стеклом на скорость 400 и 420 слогов в минуту.

Штат фербанда состоит из 8 оплачиваемых работников, включая весь технический персонал книготорговли и издательства. Председатель фербанда и другие выборные работники не оплачиваются. Расходы фербанда на оплату персонала 2.000 марок в месяц. В фербанде после войны насчитывалось 950 ферайнов с числом членов в 80.000 человек. Теперь в целях рационализации произведено укрупнение ферайнов, число их уменьшилось, несмотря на абсолютный рост числа членов. Можно считать, что в фербанде ныне состоит 100.000 членов, так как многие ферайны скрывают от вышестоящих органов истинное число своих членов. Это объясняется тем, что за каждого своего члена ферайн платит в фербанд 5 пфеннигов в месяц (до войны платили 3 пф.). Кроме этого, ферайн платит за каждого своего члена в другие вышестоящие органы — безирк и бунд — 15 пфеннигов.

Все органы союза существуют только на членские взносы ферайна. В ферайне также все выборные должности не оплачиваются. Получают жалованье только преподаватели: три марки за один урок в 2½ часа практических занятий. Курсы же теоретические, начальный, усовершенствования (речеписи) оплачиваются, смотря по числу членов группы. Если группа слишком мала, курс не открывается. В числе конкурсов, устраиваемых фербандом раз в три года, во время съезда, имеют место также конкурсы на стенографирование по иностранным переработкам системы Штольце-Шрей, по словам Дааке, на 12—16 языках, в том числе и на русском. Скорость доходила в последнем случае до 300 слогов. Фербанд устраивает также испытания на звание преподавателя

стенографии. Свидетельство, даваемое фербандом, представляется Provinzialschulkollegium, который дает тогда свидетельство на право преподавания в школах. Преподаватели же ферайнов формально не должны сдавать никакого испытания, однако, понятно, что ферайн сам подбирает себе хороших преподавателей.

Испытание на звание преподавателя стенографии состоит в выполнении ряда работ, перечень которых проведен в тех материалах, которые мне вручены для МНСО. Характерно отметить, что все письменные работы, связанные с испытанием, — доклады на одну из 77 предложенных к выбору тем, сочинение в присутствии комиссии, представляемые анкеты, заявления, даже извещения, — все выполняется стенографически, и тут уж каждый испытуемый старается щегольнуть, и я видел, каким прекрасным почерком эти работы выполняются. От преподавателя в Пруссии требуется скорость в 120 слогов в минуту (65 слов).

На прощание мне были любезно переданы материалы, характеризующие жизнь фербанда, в том числе агитационный материал (листочки, открытки, плакаты) для вербовки новых членов, а также стенографические значки, перо со стенографическим знаком, флажок для велосипеда с надписью: «Штольце-Шрей — лучшая стенография».

В РЕЙХСТАГЕ.

Я стою у громадного темно-серого здания рейхстага, высотой с Большой театр, в два этажа с колоннадой по фасаду и золотым куполом. Перед главным порталом возвышается грузный памятник Бисмарку, а дальше на площади, на высокой колонне золотой ангел с пикой в руке глядит на прямую, как стрела, «Аллею Победы», уставленную монументами.

Невдалеке зеленые массивы Тиргартена.

Я стою под благоухающими цветущими липами и жду Дааке, который должен провести меня в рейхстаг. Вот и Дааке, мы проходим внутрь. Хлопоты о пропусках. Наконец, мы в стенографическом бюро рейхстага. Пять смежных просторных комнат образуют это Бюро (приемная, комната для директора и 3 для стенографов).

Мне очень повезло. Сегодня как раз последнее заседание рейхстага перед кани-

¹⁾ См. «В. С.» № 9/33.

кулами. Когда мы явились, доктор Эггелинг, который должен был нас принять, только, что вступил, в свою очередь, стенографировать в зале заседаний. Мы подождали в приемной. Доктор Эггелинг появляется с пачкой отдельных листков только-что записанной стенограммы. Знаки очень кратки, четки и идут ровно по строкам во всю ширину страницы. У доктора Эггелинга достаточно времени для расшифровки своей пятиминутки. Он имеет 55 минут, поэтому он может посвятить время беседе. Стенографическое бюро рейхстага состоит из 16 человек стенографов: директор, его заместитель, 10 стенографов, два помощника (Hilfsstenograph) и двое стажеров (Anverter). По системам эти стенографы распределяются так: Штольце-Шрей—7 человек, Габельсбергера—6 чел., Штольце—3.

Жалованье они получают от 500 до 800 марок в месяц, в зависимости от срока службы. Стенографы имеют звание Regierungsrat, равное государственному советнику, являются государственными чиновниками. Стенографируют теперь по способу «турнус», парами по 10 минут. Расшифровывают: 1-й — первые пять минут, 2-й — вторые.

Всего три метода стенографирования в разное время было применено в рейхстаге и только один из этих методов принят теперь как лучший. Попробовали сначала «ревизионную систему», состоящую в том, что каждые 5 минут сменялся стенограф и в то же время ревизионную запись вел другой стенограф, сменявшийся каждые 20 минут. Но эта система принята не была. Второй метод — «турнус», состоящий в том, что 6 пар стенографов сменяются каждые 10 минут в течение часа, при чем один расшифровывает первую половину своей 10-минутки, а второй — вторую. Третий способ — это цепная система Kettenschluss. Один начинает писать, через пять минут вступает другой, но первый еще пишет пять минут. Через 10 минут вступает третий, но второй еще продолжает пять минут, пока через 15 минут не вступает четвертый, и т. д. Таким образом работает только 11 человек¹⁾. В настоящее время вернулись к методу «турнус», при котором работает 12 человек. Стажеры работают иногда третьими, помимо пары. Обычно их расшифровка рассматривается только в случае справок и для выяснения точности их работы. Но в случае болезни или отсутствия кого-либо из стенографов

¹⁾ Эта система стенографирования применяется штатом ВЦИК'овских стенографов.

или помощников, они их заменяют. Места стенографов в рейхстаге замещаются по конкурсу. Вакансии освобождаются, обычно, лишь в случае смерти стенографа. При стенобюро имеется 12 машинисток, принимаемых без конкурса и без предъявления особо высоких требований в отношении скорости, так как расшифровка, обычно, производится с «прохладцей» — времени достаточно.

Машинистки работают на бесшумных машинках системы «Remington Noiselles» (бесшумный ремингтон).

Сами же стенографы должны быть высоко квалифицированы. Так, например, один из стенографов — профессор Берлинского университета — Витт, является директором обсерватории. Доктор Эггелинг — является редактором журнала «Der Deutsche Stenograph».

Техника изготовления стенографических отчетов такова: после расшифровки, продиктованной машинистке, стенограф прочитывает свою часть отчета заседания, затем речи поступают на просмотр произносившим их ораторам, а затем идут в типографию, находящуюся в здании рейхстага. Отчет в корректуре из типографии снова возвращается в стенографическое бюро, где заместитель директора бюро еще раз проверяет отчет и только потом направляет его окончательно в печать. Отчеты, таким образом, появляются напечатанными самое раннее через 2 дня. С прессой стенографическое бюро ничего общего не имеет. Газеты присылают на заседание своих журналистов-стенографов, которые дают отчеты быстрее, но эти отчеты, конечно, не носят официального характера. В Германии вообще нет официальных отчетов о заседаниях для прессы, как у нас, например, ТААС.

Дословно стенографируются пленумы и заседания некоторых комиссий (Ausschluss). Часть комиссий стенографируется только протокольно.

В дальнейших беседах доктор Эггелинг спрашивает меня о стенографии у нас в СССР, в частности, о работе по созданию унитарной. Он достает 2 пропуска в зал заседаний рейхстага, для Дааке и для меня. Мы поднимаемся высоко по лестницам, проходим ряд контрольных инстанций, вручаем у входа на трибуны свои пропуска, наконец, мы в зале. Высокий со стеклянным потолком, с скульптурными украшениями по стенам, зал заседаний рейхстага имеет форму полукруга, кресла — с национальным гербом (орел) на спинках — расположены

амфитеатром. В центре на возвышении — 5 мест, посредине председатель рейхстага Лебе. Перед этим возвышением ближе к залу кафедра для ораторов с 2 местами по бокам для докладчиков. Затем прекрасные по расположению места для стенографов — между кафедрами для ораторов и залом. Стенографы пишут у узкого длинного стола с двумя урнами для голосования и по окончании смены уходят не через зал, а вниз через проход под залом. Пишут они стоя, как мне объяснили, для того, чтобы удобнее было поворачиваться во все стороны и ловить возгласы с мест. Оставляем зал, спускаемся вниз, осматриваем бюро. Застаем некоторых стенографов за расшифровкой. Попивая чай, диктует один медленно и спокойно машинистке, другой затягивается сигарой в то время, пока машинистка отстукивает расшифровку. Я вспоминаю торопливость и суету наших парламентских, впопыхах расшифровывающих свою десятиминутку.

V. В САКСОНСКОМ СТЕНОГРАФИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ.

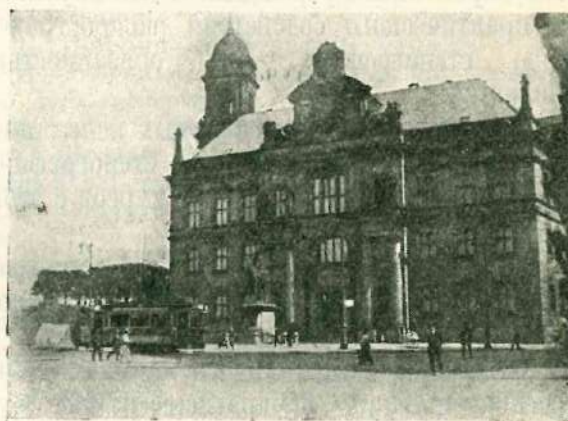
Город искусств и красоты, место ежегодных международных выставок — Дрезден, как никакой другой культурный центр, может гордиться своим Стенографическим институтом, основанным в 1839 г. и обладающим первой в мире стенографической библиотекой. Об этой библиотеке я поговорю подробно отдельно, пока же только сообщу, что за одно английское отделение этой библиотеки недавно английское правительство предлагало институту два с половиной миллиона марок. Англичане, повидимому, как некий персидский шах в одном анекдоте, полагали, что за деньги все можно купить, но английское отделение библиотеки, конечно, продано не было.

Директор Стенографического института, проф. Фукс, обошел со мной помещение института.

Стенографический институт помещается в здании саксонского ландтага, расположенном близ Эльбы и построенном в стиле итальянского ренессанса со статуями внутри и по фасаду. Раньше это было Ständehaus, т.-е. дом сословий, теперь оно называется Volkskammer, т.-е. Народная камера, где на заседаниях ландтага собираются народные представители, избранные населением Саксонии. Здание усиленно охраняется, вход посторонним затруднителен; в его высоких, сводчатых проходах и просторных светлых

залах царит строгая, как в храме, тишина... Мы прошли кабинет директора, приемную, где работала машинистка и технический сотрудник, комнату для архива, где во всю стену шли отделения для дел в папках.

Далее Фукс открыл помещение для испытаний на звание преподавателей стенографии, производимых дважды в год. Это большой класс, в нем несколько десятков парт. Две высокие двойные доски, разделенные на половины линованную и нелинованную. Каждая из частей досок может быть поднята на любую высоту. В классе — кафедра для испытуемого, стол для комиссии. Экзамен на преподавателя стенографии длится обычно несколько дней. Пробный урок производится перед школьниками в присутствии ко-

Дрезденский стенографический институт.

миссии и продолжается четверть часа.

Когда мы вышли в коридор, я обратил внимание на ряд небольших кабинок, устроенных вдоль стены. Оказывается, на время испытаний каждый экзаменующийся получает в свое распоряжение одну из кабинок, где помещает свою одежду и вещи. И здесь, как и вообще на каждом шагу своего пребывания в Германии, я заметил эту, свойственную немецкому народу, аккуратность и предусмотрительность, это умение блестяще организовывать и до мелочей точно и удобно все устраивать и подгонять. Мы прошли далее зал заседаний института: длинный стол посредине со стульями с обеих сторон, кресло председателя. Портрет и бюст Габельсбергера, портрет Штольце. Далее — кабинет библиотекаря, д-ра Scheunig, затем огромный зал со сводчатым стеклянным потолком, разделенным двухсторонними высокими шкапами — помещение знаменитой библиотеки. Затем мы поднялись по гранитной лестнице на второй этаж, где было помещение для расшифровки — длин-

ный зал, разделенный вдоль на 10 кабинетов (со столом для стенографа и для машинистки в каждом) — 8 кабинетов для 8 стенографов ландтага, один для архива и один для сотрудника, приводящего в установленный порядок получаемые от стенографов пятиминутки и отправляющего их ораторам. Я увидел ряд клеток с буквами по алфавиту с толстыми конвертами внутри. Каждый член ландтага имеет свой конверт, в котором ему отправляется на просмотр стенограмма его речи. Я заметил стопочку отпечатанных бланков, отправляемых в случае, если оратор что-либо читал с листа, с просьбой к оратору дать этот материал для включения в стенограмму.

Институт, согласно его уставу, является государственным учреждением для научного и практического содействия распространению стенографии. Его обязанностью является:

1. Производство официальных испытаний на звание преподавателя стенографии. Устройство подготовительных курсов с этой целью.
2. Учебная работа и подготовка стенографов-практиков. Инструктирование преподавания в других школах.
3. Издание официального органа «Корреспонденц-блатт», прекратившего свое существование с 1922 г.
4. Издание ежегодника школы Габельсбергера и ведение статистики распространения этой системы.
5. Руководство библиотекой института.
6. Содействие ферайнам в их работе. Руководство Международным Фербандом системы Габельсбергера.

Основная же задача института — это фиксирование заседаний ландтага. Практическая парламентская стеноработа считается очень почетной в Германии.

Всего членов и-та 9: директор — Fuchs, библиотекарь — Scheunig, затем Blauert (он же председатель Deutscher Stenographenbund), Waueg, Lampe (редактор органа ландтага «Verhandlungen des Sächsischen Landtags»), Dowerg, David, Brausse, Thime.

Все это лица с академическим образованием, имеющие чин государственных советников. Из них не стенографируют заседаний ландтага — директор института и редактор Verhandlungen.

Остальные 7 стенографируют вместе с восьмым стенографом (Hilfstenograph — доктор медицины Scheunig). Работают эти 8 по способу Kettenschluss (см. выше),

каждая смена длится 5 минут стенографирования и 5 минут контрольной записи. Пишут обычно вечными ручками. Расшифровка производится на машинках системы «Ideal». Заседания бывают подчас довольно продолжительные. В книги записи смен я видел отметку о 85 сменах на одном заседании. Официальный стеночет появляется не ранее, чем через неделю, а для официального органа ландтага готовится краткий стчет, печатающийся обычно на другой день после заседания. Его готовят Блаурт и Браузе по специально представляемым им экземплярам стенограмм, приводя в этих кратких отчетах дословно только речи представителей правительства.

Затем мы прошли через помещение редакции «Verhandlungen Sächsischen Landtags», где профессор Фукс познакомил меня с редактором, доктором Lampe, который в беседе упомянул, что он стенографировал русско-немецкие мирные переговоры в Брест-Литовске в 1918 г.

Стенографическая запись прений в Саксонском ландтаге ведется с 1833 года, в 1835 г. организовано Стенографическое бюро, а 3 мая 1839 г. Вигардом основан институт. Проф. Фукс работает в институте с 1894 г., директором его он стал в 1915 г.

В настоящее время штат института таков: директор, 8 членов государственных советников (в том числе 1 редактор органа ландтага и 1 библиотекарь), 1 стенограф-помощник, 1 инспектор, 1 канцелярский работник и 1 стенотипистка. Для расшифровки стенограмм заседаний ландтага имеется в распоряжении института 8 машинисток. Всего 21 человек.

Мне удалось, благодаря содействию проф. Фукса, попасть на чрезвычайное заседание Саксонского ландтага и лично наблюдать за работой стенографов. Зал Саксонского ландтага построен по образцу рейхстага, только немного поменьше. Как и там — стенографы имеют свой отдельный ход — не через зал, а вниз, под пол, под трибуну президиума, прямо в расшифровочный зал. Как и там, места стенографов (их всего три) находятся посредине зала, откуда все прекрасно слышно. Пишут одновременно двое, третий ждет своей очереди, каждые пять минут в работу вступает новый стенограф. Начиная писать, он толкает своего соседа в знак того, что тот может кончить. Пишут спокойно, без видимого напряжения.

В трехчасовой беседе с директором института я узнал о международных стенографи-

ческих конгрессах, неизменным членом которых, как староста немецкой группы, был проф. Фукс.

VI. ДРЕЗДЕНСКАЯ СТЕНОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Знаменитая библиотека Дрезденского Стенографического института обладает самым большим на земле собранием стенографических книг и рукописей, числом более 25.000 томов. Она регулярно получает 160 немецких и 50 иностранных стенографических периодических изданий. Стенографических рукописей на всех языках имеется в ней до 700, в том числе редкие оригинальные экземпляры писем Питмана, Дюплуайе, а также автографы других стенографических деятелей всех стран. Имеется также экземпляр стенографических отчетов Государственной Думы и Государственного Совета за 1907 г.

Видел также собственноручные авторские посвящения: Устинова — Цейбиху, Длусского — институту, экземпляр книги Горшенева с его портретом и маркой «Ex libris». Имеется альбом фотографий виднейших стенографических деятелей Германии и за границы. Имеются в библиотеке фотографии рукописей Тироновых нот, гипсовые слепки камней — памятников греческой тахиграфии, много редчайших экземпляров древних стенографических книг. Имеется также составленный в виде картотеки библиографический указатель всех важнейших статей по всем вопросам, касающимся стенографии, в главнейших стенографических журналах света. Имеется альбом стенографических автографов виднейших стенографов Германии, учеников Габельсбергера и его последователей. Я видел в этом альбоме автограф Цейбиха, впервые переработавшего, вместе с Торнау, систему Габельсбергера для русского языка. Имеется собранная проф. Фуком Colltanea — 3000 заметок и снимков стенографического содержания. В числе этого богатого материала я видел: снимки многочисленных памятников Габельсбергера, дома, где он родился, жил и умер, рисунки и портреты, составленные из стенознаков, снимки барельефов, стенограмм, музея им. Габельсбергера, стенографические юбилейные марки со всех концов света, гербы ферайнов, открытки агитационного

характера с кратким изложением теории системы, открытки в память конгрессов, редкостные портреты стенодеятелей. Просматривая эти изображения, я почувствовал, как умеют в Германии ценить своих заслуженных деятелей. Имеется в библиотеке палеография, составленная проф. Фуком описание всех греческих тахиграфических знаков, числом в несколько тысяч, с обозначением значения каждого и даты его появления.

Все собрание книг библиотеки помещается в большом высоком зале, уставленном шкапами. Имеется каталог библиотеки карточный и в виде томов, которых всего 27. Распределяется каталог на следующие отделы ¹⁾:

А. Всеобщая библиография и стенографическая.

Б. История стенографии.

В. Учебники: а) геометрической системы до Габельсбергера;

в) по системе Габельсбергера;

с) Штольце и т. д., все системы, появившиеся в Германии.

Г. Лезештофф — материал, стенографически отпечатанный для чтения и расшифровки. Распределен по системам.

Д. Стенография чисел и музыкальная стенография.

Е. Журналы (по системам).

Ж. Систематика и методика стенографии.

З. Книги песен, пьес и музыкальных произведений, касающиеся стенографии.

И. Критика систем и межсистемная полемика.

К. Применение стенографии в различных областях жизни. Книги о применении стенографии в парламенте, в коммерческой жизни, школе, юридическом деле (суд и пр.), в военном деле и пр.

Л. Отчеты и протоколы стенографических съездов и конгрессов. Доклады, прочитанные там.

М. Статистика стенографии. Ежегодники систем.

Н. Наука о письме.

О. Рукописи.

Р. Отчеты заседаний ландтага и рейхстага.

Затем собрания книг по странам. Не говоря уже о многочисленности таких отделов, как английский, французский, я видел не мало книг по стенографии греческой, латинской, китайской, японской, по стенографии языков, не существующих более, языков искусственных. **А. Юрковский.**

(Продолжение следует).

¹⁾ Я считаю полезным привести подробно это распределение, так как оно может пригодиться при составлении в будущем каталога стенографической библиотеки.

Проект унитарной системы на основах системы Соколова.

Комиссия по унсистеме при ГПФ вынесла совершенно правильное решение (в июне с/г.) после рассмотрения существующих систем, что ни одна из последних в современном состоянии не подходит для унитарной.

Вполне естественно, что каждая система должна произвести значительную ломку своих методов и словоначертания, чтобы попытаться удовлетворить требованиям унитарной системы и, в первую голову, всеобщеписи. Такая ломка произошла и в системе Соколова. Правда, эта ломка была не так велика, и свелась к упрощению теории, уточнению письма (особенно окончаний) и к проведению большей строчности письма. Основная установка системы осталась прежней—75—90 слов в минуту.

1. Принципы проекта.

Помимо общих принципов, требуемых от унитарной (независимость от строки, письмо без «лестницы», упрощение теории, краткость письма, безотрывность и пр.), обращено особое внимание на:

а) особенности русского языка—распределение знаков алфавита по частоте встречаемости, введение характерных окончаний (ого-его, тельный, х и пр.) и пр. Все это увеличивает краткость;

б) графичность (см. алфавит). Неграфичным знакам даны такие значения, при которых они не деформируются;

в) единство теории речеписи и общеписи;

г) точность.

2. Алфавит.

	г	д	е	з
Губные	в—ф	п—б		м
	с	з	т	д
Зубные	с—з	т—д		н
	р	л		
Язычные	р—л			
	ж	ш	ч	щ
Шипящие	ж—ш	ч—щ		ц
	г	к	х	
Гортанные	г—к	х		

Первое, что следует отметить в алфавите,—это распределение знаков по буквам соответственно частоте употребления букв в русском языке.

н т с р в п л д ж м

г б ч х ж з ш щ ц ф

н т с р в п л д ж м

г б ч х ж з ш щ ц ф

Первые (н, т, с...) встречаются в 10—15 раз чаще, чем последние, и имеют более удобные знаки.

В алфавите учтены особенности русского языка. Напр., буква п встречается преимущественно в начале слов и имеет округление внизу для удобного соединения с последующими буквами. Буква т встречается часто в конце (глагольные окончания ать, ить...), и поэтому имеет округление в начале знака, и т. д.

Необходимо отметить отсутствие в алфавите неграфичных (искажающих форму при быстром письме) знаков, к которым относятся следующие:

1 2 3 4 5

1 2 3 4 5

Из них 1-й совершенно не пригоден, 2-й и 4-й применимы только в конце слов (см. дальше окончания: чка, ство, тельный); 3-й применим лишь в начале слов (см. приставки: при, пр, пред); 5-й допустим лишь для не особенно часто встречающегося слитного знака (см. знак нт).

Подобное, тщательно приспособленное к русск. языку распределение знаков алфавита очень важно, так как благодаря этому возможно получить удобные соединения согласных и избежать большого количества приставок и окончаний, а также достигнуть значительной краткости письма.

* Алфавит, в целом, имеет плавные знаки: 20 знаков имеют 30 круглых окончаний и только 10 острых.

3. Соединение знаков.

Малые знаки присоединяются непосредственно, а прочие—тесным сближением. Пример:

СССР, НКПС, ВКП, НКТ, ГПФ, ЦКК.

с с с р н к п с в к п н к т г п ф ц к к

4. Выражение гласных (вокализация).

В основу вокализации положен способ, впервые выдвинутый Шреем и нашедший отражение в немецкой унитарной. Нижеследующая вокализация была намечена проф. Жирковым, Бурлаковым и Соголовым и сводится к использованию взаимного расположения согласных и в ограниченных размерах—нажима. Данная вокализация весьма проста, кратка и не зависит от строки. Она дает возможность выписывать в слове все гласные без излишней громоздкости и лестницы.

В основу положены 5 гласных: е, а, и, о, у, изображаемых пятью основными способами:

Е—постановка рядом на строке следующего знака.

А—то же с нажимом на предыд. согласной.

И—повышение следующего после И знака (Ы—то же с отставлением вправо).

О—понижение следующего знака.

У—отставление вправо по строке следующего знака.

Я и Ю безболезненно можно писать, как показала практика многих систем, подобно А и У.

Примеры:

Е—теперь, речь, вред, нефть, день, вещь, вечер.

Е. те ре вь речь ве ред нефть де нь ве щь ве чер

А. те ре вь речь ве ред нефть де нь ве щь ве чер

И. те ре вь речь ве ред нефть де нь ве щь ве чер

О. те ре вь речь ве ред нефть де нь ве щь ве чер

У. те ре вь речь ве ред нефть де нь ве щь ве чер

А—вам, сам, час, март, шанс, факт, нрав.
И—вид, мир, лишь, машина, вина, пить, срыв.

О—пока, водить, вот, совет, род, соль, важно.

У—суд, шум, руль, рука, куда, будет.

1) Данная вокализация отражает фонетический принцип, т. к. звуки И—Ы—высокие, Е—А—средние, О—У—низкие.

2) Напрасливалось, по аналогии с системой Габ-ра, выражение О путем расстановки по строке (как в данном проекте У). Но после даже первого исследования такое выражение О показало свою полную непригодность, благодаря невероятной растянутости слов и связанной с ней деформацией, громоздкостью и прочими неудобствами.

А в то же время выражение О посредством опускания (как в данном проекте) создает полную точность и краткость, а также необходимое для легкости чтения разнообразие фигур слов.

3) В целях упрощения конструкции письма введен нажим. Известно, что нажим выходит лишь при медленном письме, а в речеписи довольно плохо.

Однако, если слово «наш» без нажима легко прочесть, то не отличить без нажима «наш» и «наша», «книг» и «книга» и т. п., то-есть, иначе говоря, А в окончаниях особенно важно. Безнажимное выражение А и Я необходимо часто в фамилиях, научных терминах и проч. Поэтому данный проект предусматривает точное безнажимное обозначение А—Я в окончаниях и прочих случаях. Это достигается путем азбучных знаков. Этими же знаками можно выразить точно Е и Ю.

Примеры: им, наши, мы, еще, вот, ведет, перемена, письмо, мое, ее, ум, июнь, беру, армия, рад, рада, ряд, самые.

и ы а я е о у ю
р е ч ь в е р е д н е ф ь т ь д е нь в е щ ь в е ч е р
т е б ь р е ч ь в е р е д н е ф ь т ь д е нь в е щ ь в е ч е р

Знаки для гласных отражают вокализацию. Напр., знак У, идущий вправо, соответствует в вокализации отставлению вправо, знак О—опусканию и т. п.

5) Й выражается загибанием влево соответствующей гласной. В середине слов Й отмечается постановкой точки над согласной.

Примеры:

мой, моей, синий, май, район, война.

Handwritten shorthand for "мой, моей, синий, май, район, война."

5. Слитные знаки.

В первой строке приведены особые слитные знаки, а во второй—упрощенные соединения основных согласных:

- 1. ст, сн-зн, ск, сл, тк-дк, нт-нд, мп-мб, тр, стр., гр, луч-лич, ход, хв, дл, бл.
- 2. св, кл, хл, гл, вр, кр, кз, вз.

Handwritten examples of combined signs for the first and second groups.

6. Приставки.

- 1. Знаки приставок: пр, при, пред, из, чрез, за, блело, воз, против, экс, без, интер, раз.

2. Примеры слов:

Прежний, переход, причина, представить, изжить, возразить, размер, заслужить, интерес, беспечный, взаимный, сопротивление, продать.

Handwritten examples of words with prefixes in shorthand.

7. Окончания.

- 1-я строка—окончания: ние, ство, чка, ц (ца-ться), вка, х, изм, тельный, ого-его, вший, вшийся, лось-лся, ют, ются, ет.

2-я—примеры:

Handwritten examples of word endings in shorthand.

Сражение, чувство, смычка, ставка, граница, важных, ленинизм, признательный, своего, имеет, имеют, учившийся, стремившийся.

8. Принципы сокращения.

Во всеобщности не только можно, но и разумно—необходимо указать учащемуся

некоторые простые способы сокращений. К таким простым способам относятся, прежде всего, сокращения некоторых употребительных слов по аналогии с уже укоренившимися в обыденном письме их сокращениями (началом слова).

Например:

Промышленность = пром (Прембанк, промтовары и т. п.), финансы = фин (Наркомфин, фининспектор и т. п.), государство = гос (госбюджет, Госбанк и т. п.), фабрика = фаб. (фабзавуч, фабзавком и т. п.).

Практика преподавания показала, что подобные сокращения усваиваются учащимися абсолютно легко.

В небольших размерах удобно пользоваться «слуховыми» сокращениями. Под этим разумеется отнюдь не выражение одной ударной гласной (этот принцип очень трудно дается учащимся), а твердо установленные правила такого характера, как, напр., местный—месный, группе—група, лучше—луче и т. п.

Для достижения 75—90 слов приходится прибегать к «условным» сокращениям, которые в данном проекте (и согласно, кстати сказать, с принципами Комиссии) все построены на сокращении начала слова.

9. Образцы письма.

Ниже приведен образец корреспондентского (секретарского) письма (скорость 75—90 слов).

В этом отрывке сокращены след. слова: борьба—бор, социализм—соц., может—м, говорить—г.

Handwritten sample of a letter in shorthand.

Перевод. Л. Красин. Слово — мощное (естественное) оружие в борьбе за социализм; но и луч(ш)ий оратор может говорить зарез лишь сотням или немногим тысячам слушателей. Стенография — чудесное искусство, дает возможность поймать и вписать слово и через посредство печати сделать его доступным миллионам людей.

Н. Соколов.

Проект унитарной системы.

I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ УНИТАРНОЙ СИСТЕМЫ.

1. Графия и стенография.

Термины «общепись» и «всеобщепись», как понятия, противопологаемые «речеписи», не вводят точного определения задач стенографии, так как создают возможность различного их толкования: «всеобщепись» как письмо, заменяющее наше гражданское письмо, или только как письмо меньшей скорости, чем «речепись»? Вполне обоснованным является разделение письма на три ступени:

1. Всеобщепись.
2. Корреспондентское.
3. Речепись.

Последние две ступени являются скорописью и должны быть национальными, в то время как всеобщепись должна строиться с установкой на интернациональность и возможность быть напечатанной в типографии.

Требованиями жизни намечается наиболее рациональный путь создания унитарной системы: сперва корреспондентское письмо, затем унитарная речепись и, наконец, общепись.

Исходя отсюда и учитывая, что состоялось уже правительственное постановление, дающее квалификацию «стенографа» лишь съездовым работникам, — следует, для определения скорописи, установить термины:

Графия — как письмо, «графически» изображающее слова и преследующее цель повышения интенсивности учрежденческого труда, и — Стенография — как искусство записывать живую речь путем введения в графию приемов «краткописи» (узкопись).

2. Унитарная система, как синтез систем.

Задача создания единой теории стенографии, на основе одобренных Комиссией Главпрофобра систем, может быть решена путем сочетания следующих принципов:

1) Абсолютно простая теория, 2) Графика обычного письма. 3) Использование фонемного состава русского языка и 4) Примат общепотребительных приемов сокращения слов надзначковым способом.

Только письмо, координирующее эти принципы, будет доступно широким массам и детям школьного возраста.

Но для построения такой теории необходимо не исправление дефектов отобранных систем, не переработка одной из них, а сведение к основным способам письма многочисленных правил и начертаний, применяемых этими системами.

3. Алфавит графии.

Задания:

1. Большая часть знаков алфавита должна дать возможность одним-двумя штрихами изображать слог;

2. В алфавите необходимо дать все графические начертания, ибо алфавит должен быть единственной таблицей, которую надо усвоить для письма графией.

Отметив желательность использования элементов русских букв, придем путем анализа стенописма к следующим выводам:

1) При выборе знаков алфавита надлежит руководствоваться требованием максимальной графичности для звуков, часто встречающихся в языке: чем чаще встречается тот или иной звук, тем его начертание должно быть проще и удобнее для соединения с другими знаками.

2) Наиболее отвечающим заданиям построения алфавита является принцип двойственного начертания знаков, позволяющий использовать максимум графических штрихов письма.

Заметим, что принцип этот не исключает возможности приспособления алфавита к любому языку и что на основе его может быть выработан алфавит «общеписи».

4. Сочетание согласных.

Задание: установить один общий способ письма смежных согласных.

Применяемый почти всеми системами способ — логотипы, т.е. слитные знаки, сводимые в особые таблицы.

Способ этот убеждает в том, что все такие знаки образуются в вертикальном направлении.

Приняв это направление за основной прием письма смежных согласных, унитарная система может отказаться от метода логотипов как абсолютно ненужного груза,

и путем введения в алфавит отраженных знаков согласных, достигнуть однообразного способа соединения смежных согласных, посредством вертикального слияния основного и вспомогательного знаков.

Графичность такого соединения и большая краткость письма, достигаемые этим способом, очевидны.

5. Вокализация гласных.

Задания:

1. Установить простое общее изображение опускаемых гласных.

2. Использовать наиболее графичные элементы для обозначения выписываемых гласных.

3. Создать возможность точного, при необходимости выражения всех гласных слова, включая и группы гласных.

Все русские системы в большей или меньшей мере пользуются приемом сокращения нехарактерных гласных, как наиболее часто встречающихся звуков.

Отсюда с необходимостью вытекает требование учета этих звуков как отдельного элемента русской речи путем особого их обозначения и недопустимость произвольного пропуска гласных, создающего трудность дешифровки записи.

Анализ стенописма убеждает в том, что имеется единственная и прекрасная возможность для обозначения опускаемых гласных. Этот знак — волостная линия, соединяющая согласные или их группы.

Бесспорно, что унитарная стеносистема не может игнорировать фонемный состав своего языка и ясно, что русская унитарная должна строиться с учетом особенностей вокализации гласных.

Большинство молодых русских теоретиков стенографии признает необходимость придания волостной соединительной черте определенного значения в целях использования ее для вокализации гласных.

Идея символизации волостной линией гласных, не нуждающихся в значковом обозначении, отмечена мной в 1924 г. в моем докладе МНСК «Элементы унитарной стеносистемы» и составила одно из основных положений системы Шумилова.

К тому же выводу пришел в настоящее время и языковед, проф. Института Востоковедения, Л. Жиркова:

— «При рациональном подходе к делу, — пишет он, — придется создать отдельное

общее обозначение для неударных гласных неполного образования, которые являются определенной фонемой русского языка. Они как раз чаще других гласных встречаются в речи, и способ их изображения должен быть самым простым. В некоторых системах (Терне, Соколов), очень часто в сочетаниях согласных между согласными имеется короткий волостной штрих. Если бы удалось дать достаточно графичные, слитные знаки для всех согласных, то было бы возможно использовать именно этот штрих для выражения неударных гласных».

(Статья проф. Л. Жиркова «Один из основных вопросов» в № 5/29 журнала «Вопросы стенографии» за т. г. Курсив наш.)

Переходя к способу точного обозначения гласных, заметим, что вопрос о плюсах и минусах каждого из вошедших в практику способов неоднократно дискутировался в журнале «В. С.» На основе этой дискуссии констатируем следующую возможность объединения принципов вокализации гласных, не насилая индивидуальность почерка нажимным или безнажимным письмом:

1. Поскольку движение в горизонтальном направлении является самым быстрым, а наклонная линия, волна и овал — наиболее графичные элементы, постольку следует использовать все эти штрихи для алфавита гласных, не отдавая исключительного предпочтения наклонной линии, так как это влечет неточность начертания (деформация линии при быстром письме) и невозможность графичного обозначения смежных гласных.

2. Эти штрихи пользуются приемом символики в виде одномерного подъема или понижения их при условии независимости этого способа от строки.

6. Основы письма графией.

Ориентируясь на признаваемое всеми важнейшее задание унитарной системы — ее общедоступность — установим следующие основные способы письма графией:

1. Согласные пишутся в вертикальном направлении обыкновенным косым наклоном букв.

2. Гласные имеют горизонтальное направление.

3. Все буквы изображаются различным взаимным положением их относительно друг друга и письмо не зависит от строки.

4. Направлением письма по одной линии определяется размер согласных.

5. От индивидуальности почерка зависит нажимный или безнажимный характер письма.

В отношении записи чисел следует, считаясь с указаниями практики, отказаться от специальных теорий стенографии чисел и писать цифры арабскими знаками, соединяя их волосной линией и сокращенно обозначая классы.

7. Дешифровка записи.

Задача быстрой расшифровки записанного материала сводится, во-первых, к определенному методу чтения опущенных гласных, во-вторых, к навыкам комплексного чтения записи.

Последнее достигается только временем и практикой, метод же чтения опущенных гласных должен быть объяснен учащимся, как только ими будет усвоен алфавит и способы письма графией.

Он формулируется следующим образом:

Символически обозначенные, неясно слышимые, гласные звуки при чтении произносятся как звук, средний между О и Е, как русское «е» в слове «мед» или как немецкое «ö» umlaute.

Способ этот быстро расшифровывает любую запись, ибо дает возможность, не теряя времени на догадки о том, какие именно гласные опущены в слове, читать последнее так, как оно записано.

Практика применения этого метода доказала гениальность идеи, впервые предложенной у нас П. Н. Черемисиновым: связать представление значения слова со звуком языка, могущим заменить опущенные гласные.

8. Теория сокращений.

Единственной задачей, которую должна поставить себе унитарная система относительно применения сократительных приемов в графии, должна быть задача построения письма на основе:

1) Неполной записи слов, базирующейся на управляющей связи слов и логическом составе предложений,

2) Слуховых методов сокращения слов,

3) Условного обозначения часто встречающихся в речи служебных слов, общеупотребительных названий и терминов.

Унитарная система должна безусловно отказаться от введения в графию каких-либо значковых способов сокращения слов: в самой теории унитарной системы, в ее алфавите, должны заключаться все данные для самого краткого начертания слов.

Исходя отсюда, надлежит изменить традиционный метод изучения стенографии: в первую очередь учащиеся должны усвоить не стенографический алфавит и способы письма, а познакомиться с приемами сокращения слов и выработать навык применять их в обиходе своих ежедневных записей.

Переход от письма графией к стенографии должен совершаться легко и естественно. В первую очередь должен быть приобретен навык максимально краткого изображения слов обыкновенной разговорной речи путем записи их «стенфигурой». Тогда круг слов, подвергаемых специальным значковым сокращениям, сведется к категории слов, могущей составить словарь аббревиатур стенографии.

Методы сокращения таких слов: идеограммы, фразеграммы и логические сокращения. В целях быстрой дешифровки записи и возможности чтения чужой стенограммы, необходимо обозначить эти сокращения, для чего можно использовать горизонтальную черточку, нажимный или безнажимный оттенок письма, подъем слова.

II.

Г Р А Ф И Я.

ПРИЕМЫ СОКРАЩЕННОГО ПИСЬМА.

Основной способ:

Слова подвергаются сокращению путем неполной записи их, как это делается при обыкновенном скором письме, когда значение остальной части слова ясно.

Таким образом:

1. Слова обозначаются преимущественно началом их. В особенности сокращаются нехарактерные слог в многосложных словах.

2. Падежные и глагольные окончания не пишутся, если им предшествует управляющее слово.

3. Предлоги или опускаются, если они ясно подразумеваются, или пишутся слитно со словом, к которому относятся.

Слуховой метод:

Слова подвергаются сокращению в звуковом отношении, при чем обозначаются лишь буквы, наиболее слышимые в произношении.

Таким образом:

1. В большинстве слов выписывается только одна гласная: начальная, ударная, конечная, гласная первого слога или другая, характерная для данного слова, а все остальные — неясно слышимые — гласные опускаются.

2. Неслышимые в произношении согласные звуки также опускаются. Многие слова могут быть записаны одними согласными буквами.

Условные сокращения:

1. Часто встречающиеся в речи местоимения, наречия и союзы пишутся двумя-тремя характерными для них согласными.
2. Названия учреждений и должностей пишутся общепринятыми для их сокращенного обозначения буквами.
3. Математические понятия, коммерческие и научные термины изображаются их специальными знаками.

АЛФАВИТ

Согласные пишутся сверху вниз, частями овала и различными видами наклонной палочки, и имеют по два знака: основной и вспомогательный, который является отображением первого, т. е. сохраняет его начертание, но в перевернутом виде. В каждом знаке сохранены элементы букв русского алфавита. В отношении размера согласные разделяются на малые буквы, величина которых зависит от индивидуальности почерка, и большие буквы, которые вдвое больше малых. Приблизительный размер малых букв — $\frac{1}{3}$ пробела графленого листа писчей бумаги.

Г л а с н ы е имеют также по два знака — основной и вспомогательный — и отличаются размером и направлением. Вспомогательные знаки употребляются при сочетании гласных. Конечные Ы и Й всегда пишутся вспомогательными знаками.

С о к р а щ е н н ы е з н а к и применяются для большего удобства сочетаний некоторых букв и для обозначения часто встречающихся приставок и окончаний. Они составлены из элементов этих букв. Приставками считаются как грамматические приставки, так и однозвучные им начальные слоги. Приставки пишутся ниже остальной части слова, при чем две приставки пишутся слитно одна за другой.

З н а к и прерывания и переносы слов не употребляются. Фраза от фразы отделяется интервалом. Твердый и мягкий знаки пишутся безотрывной точкой, при чем в конце слова после буквы Т мягкий знак не пишется.

СПОСОБЫ ПИСЬМА**Сочетания согласных:**

1. Две смежные согласные соединяются в вертикальном направлении следующим образом:

первая согласная пишется на линии письма основным или сокращенным знаком, а вторая под линией письма вспомогательным знаком, непосредственно соединяясь с первой согласной, или пишется сокращенным знаком, слитным с первой согласной.

2. В группе трех смежных согласных последняя буква пишется вслед за второй под линией письма вспомогательным или сокращенным знаком.

Четыре смежные согласные или опускают одну из них или пишутся вертикально, пользуясь сокращенными знаками.

Вокализация гласных:

1. Гласные, опускаемые как неясно слышимые звуки, символизируются волосной ли-

нией, соединяющей согласные, а та из гласных, которая является характерной для данного слова, пишется своим основным знаком.

2. Группы гласных, если они не могут быть опущены, пишутся следующим образом:

в начале слова — сочетанием основного и вспомогательного знаков. среди слова — сокращаясь на первую гласную, которая символизируется изображением остальных гласных под линией письма. Ю — увеличивается в конце слова — слитным сочетанием, указанным в алфавите.

3. В именах собственных выписываются все гласные буквы и, если среди слова обозначаются три гласные под ряд, они пишутся основными алфавитными знаками, при чем средняя — сверху вниз.

III.**СТЕНОГРАФИЯ**

При записи речи слова разделяются на четыре группы:

1) Слова обыкновенной разговорной речи,

2) слова специальные, являющиеся в широком смысле терминами той или другой отрасли знания, искусства, социальной жизни,

3) всегда рядом стоящие слова в первой и второй группе,

4) слова повторные, противоположные предыдущему или логически следующие за ним.

Для записи первой группы слов надо в совершенстве усвоить способы сокращенного письма, применяемые в графии, и обязательно выработать навык изображать эти слова *стенфигурой*, т. е. писать их вертикально, обозначая гласные среди слова волосной линией.

Когда это будет достигнуто, следует перейти к практике сокращения остальных слов на основе следующих способов:

Идеограммы: часто встречающиеся слова второй группы пишутся выше остальных слов только началом или началом и окончанием, при чем флексии таких слов не изменяются.

Фразеогаммы: всегда рядом стоящие слова пишутся слитными начальными буквами и символизируются, в зависимости от индивидуальности почерка, нажимным или безнажимным оттенком письма.

Логические сокращения: слова повторные, слова выражающие понятие, противоположное только что высказанному, а также слова и целые предложения (половицы, афоризмы, могущие быть легко восстановленными по смыслу или известному употреблению, — пишутся начальной буквой и обозначаются вслед за ней малой горизонтальной чертой при сокращении одного слова и увеличенной чертой при пропуске нескольких слов.

Словарь: слова второй и третьей группы должны составить стенографиче-

ский словарь, расположенный в алфавитном порядке слов по следующим отделам:

1. Словарь общеупотребительных иностранных слов.
2. » политических собраний.
3. » экономических терминов.
4. » судебных заседаний.
5. » коммерческой корреспонденции.
6. » административных распоряжений.
7. » рабфаков и вузов.

Стенографу необходимо владеть всеми

Графия:

Handwritten stenographic symbols for the word "Графия". The symbols are arranged in four lines, showing various combinations of letters and diacritics.

техническими приемами, выработанными практикой записи живой речи, и уметь корректировать запись.

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМА:

Текст:

«Коммунистический Интернационал за короткое время своего существования стал крупнейшим политическим фактором. Теперь более, чем когда-либо, можно сказать, что за ним идет все, что есть революционного в международном движении пролетариата». («В. С.» 1927 г. № 8/32, стр. 11).

Стенография:

Handwritten stenographic symbols for the text "Коммунистический Интернационал...". The symbols are arranged in two lines, showing various combinations of letters and diacritics.

Б. Германов.

Количественное изучение языка¹⁾.

(К вопросу о научном обосновании стенографии).

В литературе, которая до сих пор появлялась на русском языке о стенографии, очень мало места отводилось вопросам научного обоснования рациональной стенографии. Исключение составляют вопросы, касающиеся психотехники в области применения стенографического труда. В то же время в западно-европейской и американской стенографической литературе этим вопросам отводится много места. В настоящее время в связи с оживленной разработкой вопросов, связанных с унитарной системой стенографии для русского языка, именно эта область теории стенографии приобретает громадное, если не самодовлеющее, значение. Если же обратиться к рассмотрению теоретических обоснований, на которых те или другие авторы строили свои системы, то можно заметить, что над этим большинство из них задумывалось не в должной степени, обходя совсем их молчанием, или выдвигая положение, не обоснованное соответствующими доказательствами, имеющие субъективный характер и зачастую не выдерживающие никакой мало-мальской

серьезной критики. Это касается как авторов оригинальных русских систем, так и авторов, применявших иностранные системы к русскому языку.

Конечно, самый характер построения системы стенографии требует стройности и большой логичности и последовательности, и здесь, конечно, широкое поле для субъективной деятельности и выявления всех индивидуальных качеств автора, вносящего новые, подчас очень остроумные и блестящие комбинации, направленные к сокращению письма; однако, все это может оказаться совершенно бесцельным и бесполезным, если все эти способы сокращения письма не основаны на соответствующих научных данных. Возьмем элементарный пример: иногда блестящее графическое сочетание букв может оказаться почти бесполезным в виду того, что самое сочетание это встречается очень редко. Построение рационального словаря сокращений, выбор знаков для тех или иных звуков, да и вообще вся графическая сторона стенографической системы может быть рационально построена только в том случае, если под нее будет подведен солидный научный фундамент, если она, в частности, будет основана

¹⁾ Печатается в порядке обсуждения. Ред.

ваться на данных количественного изучения русского языка.

К сожалению, создание унитарной системы стенографии в России уклонилось несколько от того пути, по которому оно должно было бы идти, а именно, разработка и создание новой системы начались с самих систем стенографии, не касаясь того, на чем эти системы основаны.

Научное обоснование стенографии должно производиться по нескольким направлениям. Вот некоторые из них: во-первых — изучение самого языка с точки зрения количественного состава его и соотношений различных элементов его между собою, во-вторых — исследование психической деятельности человека, совершающего процесс стенографического письма, в-третьих — изучение графической стороны стенографического письма и т. д.

Оставляя в стороне последние вопросы, на некоторых из них я надеюсь коснуться в особых статьях, следует остановиться на первом из них, а именно количественном изучении русского языка, без которого создание унитарной русской системы может оказаться весьма неудачным.

В русском языке подобного изучения произведено не было, если не считать весьма сомнительных данных о частоте встречаемости отдельных букв русского алфавита, на которые некоторые авторы стенографических систем ссылаются. В журнале «Вопросы Стенографии» числового соотношения буквенных знаков в русском языке касались тов. Дауман, Лутохин и Соколов. Второй из них предложил для этих целей довольно оригинальный способ подсчета, основанный на комплектовании одного пуда шрифта в типографиях; способ этот, конечно, никакой критики выдержать не может. В немецком языке, точно так же, как во французском и английском этим изучением количественного состава языка занимались еще в прошлом столетии. Целый ряд авторов, занимаясь этого рода исследованиями, как для филологических, так и специально стенографических целей, при чем, конечно, и те и другие обоюдно пользовались полученным материалом. Следующие авторы занимались частными вопросами: Bierey¹⁾, занимавшийся исследованием частоты встречаемости *z* и *tsch* и др. в немецком языке, использовавший материал, заключающийся

¹⁾ Akten des Systemansschusses. S. XIX. Beilage zu Nr 12 des Dresdener Korrespondenzblattes 1865.

в 250.000 словах; Габельсбергер²⁾, исследования которого были посвящены словарю слогов и отдельных букв. Правда, данные последнего исследования он к своей системе не приложил, так как его система была опубликована раньше, чем появилось в печати это его исследование; Johnen³⁾ Шрей⁴⁾, который занимался исследованием звуков и их сочетаний и использовал материал, заключающийся в 50.000 слогов; Reed Thomas⁵⁾, использовавший материал, содержащийся в 50.000 слов. Целый ряд авторов занимался частными вопросами, как-то: глагольные формы, отдельные морфологические особенности языка и т. д. Подробный список литературы по этому вопросу, появившийся до 1897 года, желающие найдут в труде Кединга, являющемся капитальным исследованием, произведенным со специально стенографическими целями и лишь попутно задевающим другие типографские и филологические. Эта работа его «Häufigkeitswörterbuch der deutschen Sprache», вышедшая в 1897 году, представляет много любопытного и поучительного и почти неизвестна у нас. Данные работы Кединга дали ему возможность сделать очень веские замечания по поводу введенной в Германии унитарной системы, представляющей наспех сделанную компоновку нескольких систем.

Изучение количественного состава языка распадается на две главные области: с одной стороны, изучение частоты встречаемости отдельных слов и числовая их характеристика (величина, встречаемость в различного рода материале) и, с другой стороны, изучение элементов слов (отдельных букв, сочетаний их, слогов, корней, приставок, окончаний и др.).

Соответственно этому работа Кединга и распадается на два основных отдела.

Привести весь цифровой материал, в виде, хотя бы, конечных выкладок, чрезвычайно любопытных, в пределах журнальной статьи представляется невозможным, поэтому далее будут приводиться лишь те данные,

²⁾ Über das Silbenlexi von 1823. Münchener Blätter 1889. S. 67—71. Anleitung zur deutschen Redenzeichenkunst oder Stenographie. München 1836 (1839).

³⁾ Die Anfänge der stenografischen Wissenschaft Wacht 1889.

⁴⁾ Das stenographische Zeichenmaterial und seine Verwendung. Berlin 1889.

⁵⁾ Table of the frequency of the most common words in the english language. Isaac Pitmanns Zeitschrift «The Speller». Bath u London, 1895. Nr. 3. S. 19—23.

которые дают представление о значительности и важности получаемого таким путем материала, а также те данные, которые освещают методическую сторону подобного рода исследований.

Прежде всего необходимо отметить, что труд Кединга имеет характер большого статистического исследования, ибо при предварительных изысканиях было установлено, что для того, чтобы произвести исследования частоты встречаемости отдельных слов, нужно было проработать материал, охватывающий не менее 10.000.000 слов. В этом случае отклонение средних данных для отдельных слов достигали 3%, при меньшем количестве материала это отклонение росло нижеследующим образом: при 5.000.000—10%, при 2.500.000 слов—20%, при 100.000 слов—423%. Для предварительного изыскания было произведено исследование частоты встречаемости слова «zu». Для второй части работы был использован сравнительно меньший материал, заключающийся в 100.000 слов. В связи с этим получились осложнения с вопросом о способе выполнения работы в виду количества материала, который должен был быть переработан. Однако, должные средства были найдены; количество сотрудников исчислялось сотнями, тем более, что в такого рода исследованиях были заинтересованы не только стенографы, но и филологи. Исполнение работ производилось под руководством директора прусского статистического бюро.

Ход работ при исследовании частоты встречаемости отдельных слов и числовой их характеристики представляется в следующем виде: во-1-х—составление списка слов; во-2-х—разбивка материала, подвергающегося обработке, на группы по 100.000 слов; во-3-х—обработка этих групп; во-4-х—сводка полученных данных (в таблицы); во-5-х—составление общих словарей.

Само собой разумеется, что для исследований и подсчета применялся самый разнообразный материал из всех областей

жизни, как-то: парламентские речи, юридические, технические труды, сочинения классиков, торговая и частная корреспонденция и т. д. Из отдельных данных следует указать на такие: около 50% всех слов в немецком языке—односложные, около 30%—двухсложные; твердо установлено соотношение между словами и слогами: 1 слово=1,83 слога.

Любопытны данные, касающиеся зависимости частоты встречаемости тех или иных слов от характера материала: приведены в виде образца слова: zu, er, Geist, Liebe.

В то время как при первых двух словах отклонения средних данных не значительны и не зависят от характера материала, во втором случае зависимость от характера материала является довольно значительной, как это видно из нижеследующей таблицы:

материал Geist	
торговый	2
теологический	53—208
парламентский	14—0
библия	149
материал Liebe	
юридический	0
теологический	167—271
парламентский	0—8
частные письма	316
классики	121—237

Цифры в таблице указывают соотношение частоты встречаемости этих слов. Две цифры указывают наибольшее и наименьшее отклонение в одном и том же материале. Эти данные дают некоторые основания задуматься над специализацией словаря сокращений.

Было произведено также изучение приставок, корней, сложных слов, окончаний, согласных и гласных и их сочетаний. Словари были составлены для слов следующие: общий для всех слов (для каждого слова, указана частота встречаемости); для слов, встречающихся свыше 5.000 раз; для слов, встречающихся от 4 до 4.999 раз. Из произведенной выборки и сводки материалов видно:

слова die, der, und составляют	9,47%	общего количества слов
те же слова и слово zu	11,84%	» » »
15 слов составляют	25,22%	» » »
66 слов »	50,06%	» » »
320 слов »	72,25%	» » »

Эти данные не требуют пояснений; важность рационально составленного словаря сокращенных слов ясна сама собой, ибо таким словарем, основывающимся также и на изучении корней, о чем речь будет ниже,

можно было бы охватить чуть ли не три четверти всех слов языка.

Вторая часть работы Кединга посвящена исследованию числовых характеристик элементов слов. Во-первых, было произведено

изучение отдельных слогов и составлен отдельный словарь тех слогов, которые встречаются свыше 5.000 раз, при чем оказалось, что 401 слог (корни) составляют 80,41% всех корней и 40,99% всех встретившихся слогов.

Подверглись изучению так же, как уже было указано, и приставки и окончания, и был составлен соответствующий словарь.

При изучении количественных характеристик отдельных букв ход работ был таков — изучение в отдельных словах, в приставках, в корнях, окончаниях, отдельных слогах, при чем слоги были классифицированы и разбиты на 6 категорий по роду их построения: на закрытые, открытые, открытые слева и так далее.

Все эти данные изложены в соответствующих словарях. Твердо было также установлено соотношение между слогами и буквами: 1 слог = 3,03 буквы.

Выяснено распределение слогов:

Приставки	10,69%
Корни	58,44%
Окончания	30,87%

Однако, самой важной частью работы следует признать исчисление частоты встречаемости сочетаний букв и отдельных букв, опять-таки вообще в словах, равно как и в приставках, корнях и окончаниях. Нет никакой надобности повторять, что для рационального построения графических комбинаций и сочетаний все это является безусловно необходимым. Правда, оста-

новка может быть за тем, что до сих пор нет еще точного и твердо установленного критерия для суждения о графичности того или другого знака или их сочетаний. Цифры, характеризующие весь этот материал, по вышеизложенным причинам привести нет возможности. Приведенного материала является более чем достаточным для того, чтобы доказать необходимость подобного рода изысканий для русского языка и сделать соответствующие выводы.

Правда, в таком объеме при современных условиях вряд ли это изучение удастся провести, однако, даже и в меньшем объеме оно является настоятельно необходимым для создания рационально построенной унитарной системы, тем более, что на основе этого изучения можно будет иметь представление об общем характере русского языка, выраженном в числовых величинах.

Кроме того, результаты этого изучения могут дать некоторые основания и для выбора тех или других принципов при построении унитарной системы. Для примера возьмем корневые слоги: если окажется, что в русском языке в смысле количества они занимают такое же место, как в немецком языке, то можно будет подумать о том, чтобы на них перенести центр тяжести, если не вообще во всем построении системы, то хотя бы при выработке словаря сокращенных слов.

Н. Зюскин.

Комментарии и критика.

(Продолжение ¹).

Я остановлюсь на том моменте, почему с точки зрения данного принципа недопустимо введение идеографического начала, в виде корней, во всеобщеписи. Для доказательства этого я должен несколько отступить.

Данные психологического анализа, полученные из опыта, произведенного над работниками стенографии Отделом П. С. Т. при Московском Психо-Неврологическом Институте, говорят о том, что главный процесс работы при стенографировании есть осмысление того материала, который является предметом записывания, а также напряжения внимания, без чего невозможна работа по стенографированию. С другой стороны, и расшифровка немислима без осмысленно воспринятого материала и в процессе рас-

шифровки выступают, как главные, те же процессы: осмысление расшифровываемого материала, напряжение внимания, а также процесс воспоминания (памяти), который в значительной степени связан с моментом осмысления. Осмысление же является той красной нитью при расшифровке, которая вызывает ассоциации.

Д-р Рузер в своей статье «Психологический анализ стенографической работы» («В. С.» № 2/4—24 г.) на основании этих данных приходит к выводу, что «стенографическая запись является не звуковым письмом... а в значительной степени письмом идеографическим, т.е. письмом, в котором значки... передают смысл слова».

Неизвестно, пришел ли д-р Рузер к этому общему заключению на основании анализа многих систем или же на основании анализа системы Габельсбергера; однако, по-

¹) См. «В. С.» № 9/33.

сколько он говорит только о системе Габельсбергера, можно заключить, что подобного анализа других систем он не делает. Но тот, кто знаком с системой Штольце и слуховыми системами, тот знает, что и в этих системах символичность и идеографичность знаков играют не меньшую роль. Характер письма в них идеографический, и вообще недописывание или невыписывание полностью каждого слова наблюдается во всех системах. Это создает крайнюю затрудненность чтения без предварительного прослушивания и осмысления материала; при утомленной памяти оно также затруднительно. Эта краткость слов вызывается необходимостью в ущерб легкости чтения записать речь с любой быстротой, стремлением уменьшить до минимума количество движений и вложить речь оратора в тот графический запас, которым обладает каждый стенограф. Иначе говоря, это есть императивное требование и следствие применения принципа экономии движений, ибо чем меньше движений в слове, тем больше слов войдет в стенографический графический запас. Таким образом идеографический характер письма является, очевидно, результатом невозможности и бесплодности попыток в наших русских лексических условиях построения системы, где бы каждое слово выписывалось полностью. Отсюда вытекает то положение, что главный процесс работы — осмысление и напряженность внимания вместе с напряженностью памяти — является следствием идеографического характера нашего письма. Эта-то идеографичность и требует от стенографа понимания материала, его восприятия в продуманном виде. Следовательно, на основании изложенного мы можем говорить о непосредственной зависимости между принципом экономии движения и деятельностью высших ассоциационных центров мозга, именно о том, что полное проведение этого принципа влечет за собою эту деятельность. Если бы мы употребляли выписывание слов полностью, то процесс осмысления был бы обязательным, так же, как в процессе работы машинистки, во всяком случае можно говорить об уменьшении напряженности этого процесса во всей его совокупности.

Поэтому нашей основной платформой, исходной точкой при выработке принципов унитарной всеобщести должно быть уменьшение, доведение до минимума психологических и умственных усилий до пределов, доступных массам взрослых и юношескому возрасту. Как одно из следствий этого, является возможная простота теории, и как минимум, обусловливающий эту простоту, — недопущение идеографического начала в виде каких бы то ни было корней (слуховых, условных, позиционных и др.). Иначе выйдет, что мы, взявши из речеписи все то сложное, что отличает ее от всеобщести, и вложивши все это во всеобщест, не придаем всеобщести функций речеписи и не делаем ее простой. Совершенно ошибочно, поэтому, на мой взгляд, мнение, что простота теории зависит только от наиболее простого выражения гласных. При введении корневого принципа в каком бы то ни было виде

теория не может быть простой. Единственно, на что можно еще пойти, считаясь с действительными возможностями в единицу времени, — это допустить применение отдельных знаков для приставок, сочетаний согласных и небольшого % окончаний.

В п. 2 мы не дали точной формулировки простоты теории, в результате чего получается возможность пространного толкования понятия простоты. Это и нашло свое отражение в формулировках «слуховиков» и «корневики», которые, как с точки зрения построения теории, так и техники построения по существу, излишни во всеобщести. При введении корневого начала всеобщест уже будет представлять не замену обыкновенного письма, а уже нечто другое — криптографию; привносятся ненужные, сложные элементы речеписи и вычеркивается одно из сильных «специальных сокращений» при переходе в речепись в полном противоречии с понятием простоты.

Это требование, очевидно, выставлено в результате недоучета всех возможностей (элементов быстрого письма) и богатства способов построения.

Нельзя также не остановиться на пункте 3 постановлений. Прежде всего относительно построения этого пункта. Почему в понятие «графического принципа» вложены: а) использование элементов обычного письма и б) косою обыкновенного письма наклон? Разве это вытекает из понятий графичности, как таковой? Разве не может быть, что при использовании этих элементов письмо окажется не совсем графичным? Ведь это зависит от коэффициента графичности? Зачем же общепризнанные теоретические основы стенографии Соколова? Разве они отыскиваются не для того, чтобы по ним строить систему? А если мы введем в некоторых буквах косою наклон, то разве письмо станет неграфичным? С другой стороны, почему здесь проводится аналогия с обыкновенным письмом? Есть основания полагать, что обоснование этого взгляда, родоначальником которого был, очевидно, Ершов, заключается в том, что письмо, не похожее на обыкновенное, «никогда не приобретет симпатий в массе населения именно потому, что очень мало напоминает обыкновенное письмо и очень похоже на чертежи» («В. С.» № 19 — 26 г., стр. 6, ссылка на Ершова и комментарий т. Темничка в «В. С.» № 15 — 26 г., стр. 3—25, других обоснований не дано). Здесь невольно приходится ставить вопрос, почему мы основные корни наших рассуждений и даже предложений выводим из ненаучной, чуждой нам сферы, имеющей лишь то общее, что некоторые стенографические системы так строились.

Разве стенография не имеет своих законов, своей теории, из которой можно было бы выводить принципы унитарной? Это вообще, а в частности, почему мы выводим стенографические элементы обыкновенного письма, т. е. из букв, а не из основы всех писем — круга и эллипса, из которого можно вывести и наше обыкновенное письмо и стенографическое? Тут, несомненно, имеет место метонимия, и вот почему. Я, конечно, не допускаю мысли, чтобы наша комиссия была против прин-

ципа краткости в себе, указанного П. Бурлаковым в слесах «если теория стенографии не дает сама по себе кратких начертаний, такая теория заранее обречена на гибель». Я не утверждаю, что алфавит унитарной должен быть похож на алфавиты Грегга и Питмана, в которых каждая буква укладывается в пределы одного движения, но ведь это при построении алфавита нужно иметь всегда. А разве аналогия алфавита унитарной с обыкновенным письмом влечет за собой, как необходимое, краткость письма? — Нет. Не положив в основу принцип краткости в себе, нечего и ожидать, что письмо будет кратким. Тут могут быть три случая: или алфавит унитарной будет похож на обыкновенное письмо и не будет содержать необходимой краткости в себе, как у Шгольца, Габельсбергера, Соколова и др., или будет непохожим и кратким, как у Грегга и Питмана, или же поровну, но тогда почему использование элементов обыкновенного письма, т.-е. букв, а не элементов круга и эллипса. В этом пункте видна неувязка и неувязка очень серьезная.

У нас получается прорыв между теорией стенографии вообще и теорией унитарной в частности, с одной стороны, и с другой — графическим принципом в понимании использования элементов букв обыкновенного письма и теоретическими и практическими данными выражения краткости в себе. Графичность в таком понимании невозможно совместить с принципом краткости знаков в себе; последний затушевывается. И вряд ли возможно строить с успехом унитарную без этой увязки.

При установлении общих принципов унитарной, мне кажется, в цели комиссии по унитарной не входило предрешение вопроса, какой преимущественно алфавит должен быть: Грегга или Шгольца, Соколова или Габельсбергера, или какой-либо другой, потому что есть др. постановление подкомиссии: «признать нужным изучение элементов быстрого письма с целью включения в унитарную только наиболее жизненных». Повидимому, вопрос не решен: а что это за элементы быстрого письма и какие из этих элементов нужно включить в алфавит, а между тем, с введением пункта «а», как я показал, предрешается и устанавливается характер алфавита без контроля знаков алфавита правилом краткости в себе. Поэтому было бы желательно в соответствии с теорией стенографии формулировать п. «а» иначе, примерно, так: использование элементов круга и эллипса при построении стенографических знаков алфа-

вита с учетом принципа краткости в себе, и выделить его в отдельный параграф.

Параграф о косом наклоне необходимо также снять, так как введением его ограничивается объем изобразительно-двигательных ресурсов и суживается понятие простоты; мы не вводим того, что может быть введено без ущерба понятию простоты, и, наоборот, упуская простое, мы принуждены вместо него ввести сложное — идеографичность.

Наконец, последнее замечание будет касаться формулировки параграфа, в котором говорится о скорости: «Считать минимальной скоростью для всеобщеписи 60 слов, для речеписи 110 слов в минуту». При такой формулировке становится неясным: а как же будет определяться ориентировочная скорость в 60 слов и в 110 слов? Если на практике, то потребуются большой промежуток времени, чтобы определить лишь минимальную скорость. Такое определение без предварительного ориентировочного определения скорости неудобно и, до известной степени, зависит от индивидуальных способностей, которое поэтому и не может дать точного результата. Поэтому было бы желательно изменить формулировку этого параграфа, примерно, так: «Считать минимальным для всеобщеписи средний коэффициент 6,6, для речеписи 3,6 движений при постоянной скорости 400 в минуту», впрочем, возможно, что цифра 400 и велика.

Заканчивая на этом настоящую статью, сформулирую вкратце выводы в части критики:

1. Теория стенографии едина как для всеобщеписи, так и для речеписи. Пункт 1 нет основания переделывать.

2. Ставя главной целью унитарной всеобщеписи — служить заменой обыкновенного письма для широких масс, признать, что построение таковой должно исходить из учета наивозможного уменьшения психологических и умственных усилий (в противоположность речеписи), для чего теория должна быть простой. Ставя это во главу угла, никакая идеографичность, в виде каких бы то ни было корней, недопустима. Это — минимум, который обеспечивает простоту теории всеобщеписи.

3. Алфавит унитарной должен быть выведен из круга и эллипса.

4. В основу построения знаков унитарной должен быть положен принцип краткости в себе с отчетом деформаций.

А. Кудрявый.

Ноябрьский № журнала будет посвящен десятилетию Октября.

ДЛЯ УЧАЩИХ И УЧАЩИХСЯ

Стенографические гаммы *).

Изложение метода гамм.

(Перевод с французского).

Трудность изучения стенографии. Изучение стенографии сопряжено с большими трудностями. Часто цитируют известного английского писателя Чарльза Диккенса, который сам был стенографом. В его произведении «Давид Копперфильд» целая страница, полная фантазии и юмора, посвящена описанию всех тех трудностей, которыми было полно для него изучение стенографии. Распространено мнение, что Диккенсом слишком сгущены краски и что те трудности, которые испытывал знаменитый английский писатель, были обусловлены несовершенством старых стенографических систем. Теперь же, по словам некоторых публицистов, более развязных чем беспристрастных, нет ничего легче, как стать стенографом.

Но увы, это далеко не так. Эта работа «клячи» по удачному выражению Диккенса не меняется в зависимости от той или другой системы. Эти страхи, это чередование надежды и отчаяния, энтузиазма и досады, эти нащупывания, эти продвижения вперед и отступления назад «в лесу трудностей», мы все, стенографы, прошли через это, и надо полагать, что наши приемники также не избегнут этого.

Надо признать, что изучение стенографии требует продолжительной и терпеливой работы и что это есть удел сильных темпераментов и лучших умов.

Недостатки старых методов обучения. До самого последнего времени, благодаря отсутствию систематического и рационального метода преподавания, стенографы вырабатываются случайно, путем практики.

Один из таких способов, очень наивный, к которому охотно прибегают начинающие стенографы, чаще, чем это можно себе пред-

ставить, это тот, который был испробован и описан Диккенсом. А именно: изучив теорию какой-нибудь системы, начать сразу записывать какого-нибудь оратора, — но что из этого получится! Жалкий способ, который роковым образом кончается констатированием своего бессилия! Но, обычно, первая попытка становится последней.

Способ диктовки. Другой способ, охотно употребляемый на стенографических курсах и рекомендуемый некоторыми преподавателями, заключается в диктовках текстов журнальных статей, речей и т. д., сначала медленно, затем постепенно увеличивая скорость.

Первое — трудность найти диктовальщика. Затем не всякий может иметь соответствующее для этого лицо, которое в продолжение нескольких месяцев, а может быть даже лет могло бы переносить это мучение нового рода, так сказать, принудительное чтение.

Второе неудобство — всякий диктант, каким бы он медленным не был, всегда будет слишком быстрым в тех местах, где встречаются трудности. Ученик будет озабочен только одним, не отставать от диктовальщика.

И действительно, он не отстает, иногда у него даже есть свободное время тогда, когда обозначение слов текста ему хорошо известно. Не вдруг попадается выражение, требующее новой непредвиденной комбинации — это может случиться каждую минуту — ученик не может прерывать диктанта. И вместо того, чтобы остановиться, как требует логика и здравый смысл, он незаметно обходит их, пропускает, искажает. Таким образом, он пишет то, что для него легко, то, что уже знает, совершенствуясь только в ассоциациях, уже приобретенных.

Искажение. Ученик не знает, что профессиональная ловкость является после

*) См. № 9/33 «В. С.»

того, когда вследствие привычки исчезает неуверенность, он не знает, что скорость приобретает исключительно вследствие автоматизации образов, он спешит достигнуть скорости инстинктивно, он ищет ее в ускорении движения руки. Прежде, чем приобрести скорость, он дает себе иллюзию ее беспорядочными и бурными движениями. Вместо того, чтобы благоразумно останавливаться на каждом неправильном начертании и методически изучить его, он смазывает эти места или пытается выйти из затруднительного положения росчерком, смысл которого он напрасно будет стараться потом понять при расшифровке.

Таким образом, без всякой пользы, он приобретает привычку мошенничать, оставлять пробелы вместо того, чтобы стараться все заносить на бумагу, и привычку искажений, от которых ему впоследствии будет очень трудно, а, может быть, невозможно избавиться.

Предусмотреть эти дурные привычки в самом зародыше — первая обязанность преподавателя. К несчастью, некоторые преподаватели, вместо того чтобы предостеречь от этого своих учеников, напротив побуждают их к этому, заявляя им, что «они должны привыкать к искажениям своего почерка». Они утверждают, что искажение неизбежно и даже присуще скорости. Это серьезное заблуждение, влекущее за собой роковые последствия, не только не дает возможности выиграть время, но является препятствием к достижению скорости. Искаженное начертание по началу есть просто ложное движение, потому что точное движение еще не достаточно изучено и непривычно и потому что его не умеют воспроизвести. Позднее искажение является следствием дурной привычки или нервности, волнения, которое не могут победить и которое выражается в несвязных жестах. Опыт показывает, что практик-стенограф, методически обученный, придерживающийся с самых первых упражнений строгой дисциплины, пишет не спеша и точно.

Способ переписывания. Есть третий способ, состоящий исключительно в переписывании. Ученик переписывает стенографически статьи, целые книги, совершенно случайно ему попадающиеся, только редко он прибегает к диктанту и то исключительно с целью проверить свои успехи. Способ переписывания лучше предыдущего. В нем нет тех двух недостатков, о которых

мы говорили выше, но он имеет третий недостаток, присущий, впрочем, и способу диктантов всегда новых текстов. Он не позволяет установить успехи, достигнутые во время упражнений. Успех всегда достигается очень медленно. Он идет скачками, с запаздываниями и даже с отступлениями назад, часто в продолжение долгого периода упорных усилий не замечается никакого успеха. Ученик, ежедневно упражняющийся, вдруг видит, что он не способен следить за диктантом 100 слов в минуту, тогда как месяц или два назад его скорость была 120 слов в минуту. Он видит, что его усилия напрасны, что цель, к которой он с таким трудом приближался, как-будто удаляется. Он идет ощупью в темноте, не зная идет ли он вперед или назад — отсюда разочарование, отчаяние. Энтузиазм новизны исчез, интерес исчезает также. Работа кажется монотонной, упражнения обращаются в повинность и тем самым в значительной степени теряют свое назначение.

Принципы правильного способа преподавания. Ложная педагогическая концепция происходит из только-что указанных заблуждений. Легкомысленно думать, что способ обучения может быть просто делом инстинкта. Словом, правила, которых надо придерживаться, иногда бывают прямо противоположны тому, что себе воображаешь. Если выбирать машинально, не рассуждая, то способ, который может казаться самым естественным, часто оказывается самым плохим. Преподавание стенографии до настоящего времени особенно грешит небрежностью и игнорированием существенных принципов, которые должны быть руководящими.

Они сводятся к следующему :

- 1) Способ обучения должен быть согласован с механизацией преподаваемого искусства.
- 2) Он должен быть согласован с естественными законами развития ума, идя от легкого к трудному, от простого к сложному, распределяя трудности по степеням.

Повторения. Суть стенографии заключается в механизме письма, в быстром и механическом воспоминании зрительных и двигательных образов. Они должны вызываться так, чтобы каждое слышанное слово речи сейчас же автоматически передавалось на бумаге.

Всякое раздумывание, всякое колебание есть смерть скорости.

Таким образом, совершенное теоретическое знание правил какой-нибудь системы практи-

чески бесполезно, если изучение стенографии этим ограничивается.

Необходимо, кроме того, знать хорошо все значки, но знать их не только зрительно, но уметь также их безошибочно писать до полной автоматизации. Но чтобы их заучить до такой степени, для этого недостаточно на них смотреть или записать по одному разу. Их нужно читать, писать, снова читать, и снова писать, и повторять читанное и писанное бесконечное количество раз.

Повторение есть душа обучения.

Запомнить и удержать в памяти с первого же раза — это идеал, который иногда осуществляется, хотя редко, в математике.

Но в искусствах, каковы бы они ни были: эстетических, умозрительных, механических, только благодаря повторениям можно зафиксировать и создать необходимые рефлексы.

В общем стенографию нужно изучать так же, как учиться шить, пилить, строгать, бесконечно повторяя одни и те же жесты, один и тот же ряд жестов. Неизбежно, следовательно, выучить, так сказать, по рутине, один за другим все знаки соответственно каждому из слов, которые будут стенографировать.

Число и повторяемость наиболее употребительных слов. Задача не так трудна, как кажется на первый взгляд. Без сомнения, общее число слов в языке очень велико. Некоторые филологи считают во французском языке не менее 900.000 слов. Но они далеко не все относятся к обычно употребляемым словам. Только абсолютное число из них появляется, так сказать, каждую минуту и образует активную группу, всегда готовую к услугам, тогда как другие составляют резерв. Оратор, особенно импровизирующий, а с ним только в сущности и имеет дело стенограф, располагает весьма ограниченным запасом слов. В качестве опыта, достаточно точно мы сосчитали, во-первых, сколько раз в тексте в 20.000 слов повторяются наиболее часто употребляемые слова и, во-вторых, сколько различных выражений встречается в тексте 30.000 слов. Нами были получены следующие результаты: 1) Сколько раз повторяются наиболее употребительные слова?—540 слов, которое можно назвать часто употребительными, в тексте в 20.000 слов составляют по своей повторяемости 85% всего текста. 2) Сколько различных слов заключается в речи оратора?—Можно безошибочно утверждать, что число обычно употребляемых

оратором слов (в тексте в 30.000 слов) не превышает 3.000. Это число и является в то же время числом стенографических знаков, которые надо изучить до полной их автоматичности. Все сказанное относится исключительно к французскому языку.

Разделение труда. Однако, пытаться уложить в своей памяти сразу 3.000 знаков, соответствующих 3.000 словам, такая работа была бы непосильной для многих.

Так как мы не можем разрешить задачу сразу, разделим ее. Приложим принцип разделения труда: изучим наши знаки последовательными небольшими группами. Правило, которым мы должны при этом руководствоваться, таково: заучивать сразу немного, но что разучивается, должно быть заучено основательно. Заучивать основательно — это значит не только подвигаться вперед быстро и уверенно, но также значит избегать усталости.

Классификация трудностей. Нет надобности доказывать, что законы нашего разума требуют идти от легкого к трудному, от простого к сложному, разделять и классифицировать трудности. Но надо установить, что в стенографии является легким, простым и что трудным, сложным.

Надо точно проанализировать элементы трудности, чтобы преодолеть их один за другим и каждый из них отдельно от другого.

Принципы методов гамм. Изучение стенографии имеет много сходства с изучением музыки, но последнее имеет преимущество в том, что принципы его уже давно точно установлены во всех деталях. Как изучают музыку?—Первые упражнения состоят из очень коротких отрывков. Каждой ноте дается точное значение и изучают постепенно все трудные места, какие при этом встречаются. Сначала повторяют одно и то же упражнение очень медленно, часами, днями, неделями, и только постепенно, когда устранены всякие колебания, дают своей игрой то, что было предусмотрено композитором. При игре на рояли, например, основное упражнение состоит в бесконечном повторении гамм, скорость которых постепенно увеличивается. Таков принцип метода гамм: повторять и переписывать столько раз, сколько необходимо для того, чтобы добиться с этим текстом желательной скорости без усилий и без колебаний. Первое упражнение состоит из очень небольшого текста. Мы изучаем каждый знак отдельно, мы переписываем

этот текст, эту гамму столько раз, сколько нужно для известной скорости. То же мы проделываем и со следующими текстами, трудность которых постепенно увеличивается.

Прежде всего мы стараемся начертать знаки самым точным образом. При втором, третьем, четвертом повторении зрительные образы появляются в нашей памяти без всяких усилий. При следующих повторениях наши мускулы приучаются воспроизводить графический жест сначала вполне правильно, потом легко, а затем даже с некоторым изяществом. Мало-по-малу движение становится

более непринужденными, потом уверенным. При 20-м, 30-м повторении оно становится бессознательным и автоматическим. Тогда маленькая связка знаков 1-й гаммы у нас в руках, она от нас уже не уйдет. При каждой из следующих гамм увеличивается число уже автоматизированных знаков. Наконец, приходит момент, когда эти ассоциации настолько многочисленны, что они составляют всю ткань какой-либо речи, в которой новые знаки будут уже не играющими никакой роли исключениями. Таким образом, методически и постепенно приобретает профессиональная ловкость.

Преимущество метода гамм.

1) Первое преимущество, так сказать, материального свойства, ненужность диктовальщика или, в крайнем случае, сведение его роли к минимуму. Так как все упражнение состоит в повторном переписывании текстов, то ученик исполняет большую часть своей работы один. Ему не надо искать диктовальщика для бесконечного чтения диктантов. Диктовка нужна только лишь в конце упражнения, как средство контроля, когда ученик почувствует, что он знает каждый знак настолько, что может следить за диктантом без колебания и без усилия и с той скоростью, какая была предназначена для этой гаммы.

2) В течение этих упражнений ученику нечего бояться, что он упражняется на ложных знаках, потому что он предварительно их изучил. Ему не надо следить за слишком быстрой диктовкой. У него всегда есть время писать знаки совершенно правильно. Таким образом, без всяких искажений он приобретает постепенно скорость при помощи начертания точных, каллиграфических, совершенно ясно читаемых знаков.

3) Метод гамм непосредственно вводит ученика в практику. Ничто так не интересует человека, как работа, которая сейчас же дает результаты.

Стенографировать — это значит — писать в меньший промежуток времени, чем нужно для обычного письма, и этого возможно достигнуть благодаря нашим упражнениям уже с первого урока, приблизиться, таким образом, к практике нашего искусства.

Его работа сопровождается приятным чувством сознания, что работа вознаграждается успехом, и он удваивает свои усилия.

4) В процессе переписывания и диктантов новых текстов невозможно избежать периодов неудовлетворенности, когда кажется, что не сделано никакого успеха, потому что успеха нельзя определить. В нашей системе, наоборот, всегда отдают себе точный отчет в достигнутых успехах. Ученик может видеть своими собственными глазами ход своих достижений, в каждую минуту он может поставить точку для того, чтобы взглянуть на пройденный путь и на путь, предстоящий ему впереди. Тогда он испытывает радость туриста, поднимающегося на гору, который видит, как вершина все больше и больше к нему приближается; зная, что ему остается, он может набраться необходимой энергии.

5) И для самого преподавателя тем самым задача облегчается. Ему не надо делать долгих и неприятных исправлений уроков, полных ошибок, так как ученик, предоставленный самому себе, каждую минуту импровизирует значки и разрешает в овремя движения пера разнообразные задачи, которые возникают перед ним в области применения и толкования правил.

Преподавателю достаточно бегло взглянуть на написанное, чтобы убедиться, что начертания, установленные под его наблюдением, были выполнены тщательно до мельчайших деталей.

J. Estoup.

О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

Читатель и журнал.

Наш журнал имеет уже за своими плечами более трех лет руководящей работы во главе стенографического движения в СССР. В связи с этим, перед журналом должен неизбежно встать во весь рост вопрос—верны ли те пути, по которым он ведет стенографическое движение, удовлетворяет ли журнал своего читателя и знает ли он его требования и запросы.

То анкетное обследование, которое принял журнал перед началом настоящего издательского года, вряд ли смогло дать ответ на эти наиболее существенные для журнала вопросы и поэтому было вполне уместно открыть в журнале небольшой отдел «читатель о своем журнале», где бы стенографы могли сказать свое мнение о журнале.

За время своего существования журнал проделал колоссальную эволюцию. Он постепенно находил себя, намечал пути своего развития и шел по этим путям. Шаг за шагом определялась как внутренняя, так и внешняя физиономия журнала, стабилизировалась схема подразделения его на отделы, стабилизировалась внешность журнала, в частности—его обложка. В процессе роста журнала оформились отделы—научный, профработа, для учащихся и учащих. С энтузиазмом встреченный во всех уголках Союза, журнал сыграл крупнейшую роль в подготовке 1-й Всесоюзной конференции стенографов и с момента придания ему всесоюзного масштаба приобрел значение трибуны, через посредство которой наша Центральная Комиссия могла общаться со всеми стенографами, и органа, на страницах которого можно было делиться своими знаниями и опытом со всей стенографической массой Союза.

Журнал дал толчок и научной работе в области стенографии в СССР. Его заслуги здесь огромны. Журнал направил все мысли стенографов на необходимость создания единой и всю подготовительную работу в этом отношении нес и продолжает нести на своих плечах. На страницах журнала нашли свое отражение многие серьезнейшие во-

просы научной работы, профработы, практики и учебы. Кампания, поднятая журналом вокруг вопроса о целесообразности существования комитетов стенографов, помогла ЦК и VII Всесоюзному съезду нашего союза решить этот весьма насущный для стенографической массы вопрос на основе учета мнения стенографов не только Москвы, но и многих крупных городов Союза.

Можно еще долго говорить о значении и заслугах нашего журнала, давайте лучше поговорим о том, что надо исправить и все ли мы делаем для того, чтобы помочь нашему журналу и облегчить его работу.

Необходимо отметить, как положительный факт, что стремления открыть в журнале литературный отдел, которые имели место в младенческие годы нашего журнала и придавали журналу некоторый «домашний» характер, сейчас совершенно отпали, и журнал обрел свою истинную физиономию—руководящего научно-профессионального органа. Тем не менее, быт стенографов (в форме живых очерков, картинок из жизни комитетов, курсов) в журнале почти не освещается. Это является уже перегибом в другую сторону; очевидно, следует в дальнейшем стремиться к оживлению журнала, беря курс на более полное освещение быта.

Отдел профработы еще чрезвычайно слаб и беден материалом; слаба и связь журнала с Комитетами и членской массой. Пишут в журнале только несколько «присяжных» корреспондентов; остальная масса не втягивается в это дело и, благодаря этому, нет достаточного взаимодействия между стенографической массой и журналом. Как на один из частных недостатков следует указать на то, что дискуссии, которые велись на страницах журнала по вопросам практики и профработы, в ряде случаев чрезвычайно затягивались; запаздывало и резюме редакции, которое должно было положить конец дискуссии и подвести итог. Бывали случаи возвращения к уже детально обсужденным и законченным вопросам.

Затем, в журнале нет правильно поставленного отдела хроники, где сообщалось бы в 3—5 строках о том, что делается в комитетах и на курсах по всему Союзу, где можно было бы обмениваться информацией об открытии курсов, организации стенвыставок, о выпусках учащихся, совещаниях, обследованиях и других начинаниях курсов и комитетов. Отчасти, этому виной то же отсутствие налаженной связи с местами. Получение протоколов и иных материалов МК дало бы журналу возможность всегда иметь свежую и интересную информацию для хроники. Отдел заграничной хроники поставлен прекрасно, но знать, что делается в Женеве и не знать о мероприятиях, проводимых Ленинградским комитетом,—вряд ли такое положение вещей можно назвать нормальным.

Особо следует остановиться на вопросе о распространении журнала и о закреплении его тиража. Те трудности, которые встречаются в этом деле, в известной мере объясняются серьезными объективными причинами: органы ЦК различных союзов, рассчитаны на многотысячную членскую массу, и если один человек из десятка подписывается на свой союзный журнал, то это дает уже тысячный тираж. Наш журнал рассчитан лишь на весьма ограниченные кадры стенографов и поэтому он вынужден делать ставку на то, чтобы каждый стенограф, каждый учащийся был подписчиком своего журнала. Иначе тираж упадет настолько низко, что журнал должен будет прекратить свое существование.

Такое положение вещей требует от каждого стенографа активной поддержки своего журнала. Энергичная кампания, развернутая перед началом настоящего издательского года, дала значительные результаты и в некоторой степени обеспечила журналу возможность спокойной работы. Тем не менее, допущение полугодовой подписки (шаг, несомненно, ошибочный) привело к тому, что к концу первого полугодия, при отсутствии достаточно энергичной агитации за журнал, имел место факт резкого падения подписки.

Практика издательской работы говорит за то, что при открытии подписки следует делать ударение на годовой подписке, давая

максимальные льготы годовым подписчикам и избегая роковых фраз, вроде: «хотя бы вносящие плату в 2 срока», ибо такая подписка уже не есть годовая подписка. При этом возлагать все надежды на организованную обычным путем подписку было бы ошибочно. Здесь необходима большая гибкость. В частности, весьма целесообразно было бы применить метод распространения журнала на комиссионных началах, попытаться пустить его в виде приложения к «Нашей Газете», продвинуть его в отделы нашего союза, в союзные и месткомовские библиотеки.

Быть может, острота положения с подпиской заставит журнал искать выхода в более решительных мероприятиях, и превратить наш журнал в орган, посвященный вопросам стенографии и машинописи, отведя машинописи небольшой уголок в нашем журнале. Это мероприятие привлечет к журналу значительные кадры машинисток, не имеющих своего специального органа, и создаст новую широкую базу для нашего журнала. Журнал частично встал уже на этот путь, напечатав заметку, посвященную Всесоюзному конкурсу на звание лучшей машинистки в СССР.

Все меры нужно принять к тому, чтобы закрепить двухтысячный тираж журнала и расширить кадр долгосрочных подписчиков. Без этого мы потеряем одно из наших крупнейших завоеваний—наш журнал. После I Всесоюзной конференции стенографов журнал был и остается нашей единственной трибуной, через посредство которой мы можем обмениваться своими научными достижениями, обсуждать вопросы практики, учебы и профессиональной работы.

Журнал нужно сохранить во что бы то ни стало.

А потому—все внимание журналу! Никто не должен оставаться инертным, когда журнал стоит, быть может, перед угрозой закрытия.

Нужно, чтобы лозунг «Каждый стенограф—друг, сотрудник и подписчик своего журнала» мы сумели на практике претворить в жизнь.

Л. Гельфенбейн.

Харьков.

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА РЕДАКЦИИ.

К ПРЕДЛОЖЕНИЯМ тов. ГЕЛЬФЕНБЕЙН.

Мы приветствуем горячий призыв тов. Гельфенбейна к читателям нашего органа о том, чтобы они выявляли свое мнение о журнале, тем самым помогая направлять работу последнего. Мы напоминаем, что у нас введен даже с 1926 г. такой специальный отдел «О нашем журнале» (см. №№ 1/25, 3/27, 6/30), но, к сожалению, недостаток материалов на эту тему заставляет его опускаться в большинстве №№.

Необходимо лишь дать несколько справок в связи с рядом замечаний т. Гельфенбейн.

Об отделе «Наш быт». Редакция неоднократно указывала (см. почтовый ящик в № 2/26), что только отсутствие очерков из жизни комитетов и курсов заставляет ее почти не давать имеющийся в журнале отдел «Наш быт». Все, что в этой области получается более или менее интересного, помещается (см. №№ 5/29, 7/31).

Отдел профработы. Мы еще в передовой № 1 «В. С.» за этот год, указывая наши цели и задачи, подчеркнули, что вопросы профработы среди стенографов должны выноситься на страницы общесоюзного органа «Нашей Газеты». Но все же должны указать, что мы, не стремясь к развитию этого отдела в журнале, фактически помещаем все присылаемые нам на эти темы статьи и даже проводим серьезные дискуссии (о комитетах стенографов, о персональщине и т. п.).

Если добавить к этому передовую, часто касающуюся направления работы комитетов, отдел по СССР, рисующий работу объединений, и официальные материалы, публикуемые иногда, — нужно признать, что профработа освещена достаточно.

Отдел хроники. Отделы «по СССР» и «по курсам и кружкам» и являются отделами хроники и в них неизменно сообщается о всех новых курсах, комитетах, выставках и крупных событиях как по корреспонденциям с мест, так и по получаемым в ЦК протоколам. К сожалению, и то и другое получается недостаточно регулярно, — к тому же протоколы комитетов грешат большой краткостью и часто не отражают многих существенных моментов работы.

Затягивание дискуссий и запаздывание резюме редакции, несомненно, являются дефектами журнала и должны быть исправлены.

Число корреспондентов и сотрудников также еще невелико, хотя круг их значительно вырос за последние 2 года и вышел далеко за пределы «присяжных» корреспондентов.

По всем положениям, выдвинутым тов. Гельфенбейн, мы просим читателей дружно и срочно высказаться, так как это нам даст возможность своевременно подготовиться к новому издательскому году как в отношении содержания журнала, так и в отношении вопросов подписки, цены и распространения.

Вопрос распространения стоит особенно остро, ибо с тиражем в 550 подписчиков, какой мы имеем в настоящее время, вряд ли вообще мы сможем сохранить журнал на 1928-й год.

Редакция.

ТОВ. СНИСАРЕНКО (Ленинград).

Уважаемый товарищ.

Вы объясняете падение подписки на журнал в летний период линией, взятой редакцией в вопросе об отборе систем. Как вы пишете, Вам после № 3/27 и особенно № 6/30, «несмотря на все старания и увещания, не удалось заполучить ни одного подписчика: учащиеся решили, что журнал, который до сих пор являлся межсистемным, теперь не будет освещать вопросы по той системе, которая оказалась забракованной, т.-е. они перестали считать журнал своим родным и, даже больше того, они ожидают встретить на страницах журнала гонение на систему, по которой они обучаются, Я думаю, что это явление наблюдается не только в Ленинграде и не только среди моих слушателей».

В связи с этим, доводим до сведения не только животовцев, но и всех учащихся и практиков, что все слухи о каких-то «гонениях» на какую бы то ни было систему являются необоснованными и вредными.

Мы можем и должны ставить своей задачей — пропаганду обучения подрастающих поколений по ограниченному количеству (лучших) систем и, в недалеком будущем, по унитарной системе и должны содействовать проводимой в этой области работе. Но поскольку большинство имеющихся в настоящее время стенографов и учащихся СССР, а следовательно, и большинство наших читателей, являются представителями различных систем и переработок, — наш орган остается межсистемным и будет попрежнему обслуживать нужды всех наших читателей, независимо от их «вероисповедания», т.-е. системы.

Мы надеемся, что пессимистические настроения тов. Снисаренко и его слушателей не будут разделены другими стенографами, которые ответят на них дружной подпиской на журнал.

Редакция.

Ростов-Дон.

Летом Ростовским отделом н/союза было произведено обследование Комитета стенографов, после чего поставлен доклад обследователя на общем собрании стенографов.

Из положительных сторон работы К-та было отмечено заключение договоров почти на всех штатных стенографов. К сожалению, дефекты работы значительно превосходят достижения. Попрежнему не урегулирована посылка на съездovou работу: процветает персональщина, отсутствуют договоры, нет строгой очередности в посылке. Попрежнему тот факт, что К-т занят посредническими функциями, создает вокруг него нездоровую обстановку. Обследователь указал также на полное отсутствие наблюдения за стенообразованием, слабое распространение журнала «В. С.», недостаток мероприятий по внедрению стенографии в соваппарат. Болезненно стоит вопрос с практиканством 110-словников: К-т ничего не делает для подготовки их к съездовой работе.

Основные постановления собрания сводятся к следующему: 1) принять меры к передаче Посредбюро на Биржу Труда, 2) прикреплять 110-словников для практики к съездovým стенографам, 3) заняться пропагандой стенографии путем лекций, докладов, печати, 4) повести решительную борьбу с частными курсами, 5) провести кампанию по подписке на «В. С.» и т. п.

Хотя на собрании выступавших в прениях было мало, — что лишний раз подчеркивает слабую втянутость ростовских стенографов в общественную жизнь, — все же надо признать обсуждение результатов обследования на общих собраниях очень ценным. В настоящее время посредбюро уже передается в ведение биржи труда. Надеемся, что и др. постановления собрания будут реализованы.

Рязань.

30/VIII на общем собрании рязанских стенографов произведены перевыборы К-та. Деятельность К-та старого состава свелась, главным образом, к организации курсов стенографии, машинописи и делопроизводства (для ознакомления с постановкой дела на курсах председатель К-та, он же заведующий курсами, ездил в Москву). На курсах обучалось 64 чел., из коих 45 выдержало испытания. Для популяризации стенографии были прочтены 4 публичные лекции.

В остальном работа К-та была слабой, общие собрания проводились редко, подомашнему, квалификация стенографов не поднималась и т. п. Съездовой работы в Рязани мало, на спрос влияет оплата, которую учреждения находят дорогой; большинство

коллектива служит не по специальности. Все же предполагается, что союзные курсы в этом году будут открыты.

Общее собрания приняло в члены объединения новых 16 человек.

Ярославль.

Доклад о работе комитета был заслушан в начале лета на заседании правления Губотдела. Последнее признало «дальнейшее существование коллектива вполне целесообразным и необходимым для внедрения стенографии в соваппарат» и наметило ряд практических мероприятий для дальнейшего развертывания работы комитета, большая часть которых уже проведена в жизнь. В частности, комитетом проработаны методы наилучшего применения стенографии в местных условиях, в сентябре проведена стенографическая выставка (вторая в Ярославле), возобновлен кружок по самообразованию. На учет коллектива взято 36 человек. Улучшена постановка учебы на курсах стенографии, введено преподавание канцелярского дела. Недостаток средств не позволил включить машинопись в учебный план курсов. При комплектовании последних обращено было внимание на преимущественный прием членов союза.

С Биржей Труда существует договоренность, что 33% всего спроса на канцработников будет удовлетворяться лицами, знающими стенографию. К сожалению, это сейчас мало дает в связи с общим сокращением аппарата.

Казань.

Казанские стенографы во время перевыборов комитета 6/IX настаивали на скорейшем освобождении К-та от посреднических функций. Сейчас уже избран уполномоченный по распределению работ, специально разработаны инструкция для посылки на работу и положение об уполномоченном. Большое внимание К-т обращает на работу курсов.

Ленинград.

Комитет приступил к организации стеноуголка при союзном клубе. С Институтом по изучению мозга ведутся переговоры относительно проведения психо-технического обследования труда стенографов, кроме того, К-т принимает участие в установлении окладов для стенографов госбюджетных и местнобюджетных учреждений.

К-т вновь предпринимает шаги к передаче посредбюро в ведение Биржи Труда, что не удалось осуществить в прошлом году из-за неприемлемости условий передачи.

В скором времени К-ту придется делать доклад о своей деятельности на заседании Президиума губотдела.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские стенографические словари.

(Критический обзор).

За последние два года стенографическая литература пополнилась пособиями совершенно нового типа для русской стенографии.

Пособия эти — стенографические словари — предназначены не столько для изучения стенографии, сколько для практического руководства стенографов. К настоящему времени мы располагаем четырьмя пособиями такого типа. Три словаря относятся к системе Габельсбергера и один к системе Соколова.

Прежде чем перейти к рассмотрению каждого в отдельности словаря, необходимо остановиться на тех требованиях, которые должны быть предъявлены к подобного рода пособиям, и определить цели и назначение их.

Если отчасти стенографические словари имеют значение учебных пособий, то очевидно, что это может иметь место при изучении стенографии лишь в стадии перехода к высшим скоростям письма и, следовательно, уже при непосредственном использовании словаря в процессе самой работы. В этом и заключается такое назначение стенографического словаря.

В задачу словаря входит дать не только начертания просто выписываемых слов, но также и тех слов, начертание которых более или менее сложно и которые, редко встречаясь в практике стенографа, могут вызвать у него известного рода затруднения при их выписывании. В предисловии к своему словарю Питман указывает, что начертания в словаре должны быть даны лучшие, единственно возможные, не может быть допущено двойное начертание, и таким образом очерчивает требования к начертаниям даваемого словаря.

В самом построении стенографического словаря мы видим резкое различие между русскими словарями и словарями Питман. Если в русские стенографические словари включены лишь некоторые слова, наиболее часто встречающиеся, включены фразеогаммы, то одно из изданий словаря Питман насчитывает 90.000 слов и каждому дается начертание. Словарь Питман включает весь перечень слов британского энциклопедического словаря. Техника издательского дела, материальные возможности и высокий тираж, видимо, благоприятствуют выпуску такого словаря, в наших же условиях объем словаря определяется в значительно более узких пределах. Раз так, то естественно возникает вопрос о выборе материала, и здесь, учитывая энциклопедичность и разносторон-

ность работы русских стенографов, отсутствие специализации, приходится включать в словарь терминологию по ряду крупных разделов науки, техники, экономики и т. д., затронув технологию, механику, энергетику, банковское дело, бухгалтерию, торговлю, кооперацию и т. п., обязательно присоединив к этому слова и выражения общественного политического характера.

Каково должно быть построение словаря, чтобы способ пользования им был бы легок и прост? На это может быть дан только один ответ — безусловно, весь материал в словаре должен быть расположен по алфавиту. Только при такой системе можно быстро отыскать то слово или выражение, начертанием которого интересуется стенограф в данный момент. Мы видим, что таково построение словарей и иностранных и русских, и единственным исключением в этом отношении является словарь Крулева, и Тицнер, о чем будет сказано ниже.

Переходя к рассмотрению русских стенографических словарей в отдельности, прежде всего коснусь словарей по системе Габельсбергера.

«Стенографический словарь условных сокращений» Д. А. Писаревского. Изд. автора, Ленинград, 1926 г., стр. 24. Тираж 2000 экз.

Словарь Д. А. Писаревского не отвечает требованиям, предъявляемым нами к стенографическому словарю. Здесь прежде всего нужно отметить крайне незначительный объем слов и выражений, которые автор поместил в своем словаре. Дано стенографическое начертание около 500 отдельных слов и около 200 фразеогамм. Остальная часть словаря содержит приставки, окончания, склонение местоимений. Трудно определить, чем руководствовался автор, включая в словарь те или иные слова. С одной стороны, даются производные «большевик» и «большевизм» к слову «больше», «марксист» к слову «марксизм», и др., а с другой стороны, при незначительности объема словаря естественно отсутствуют многие слова, начертание которых было бы полезно дать в стенографическом словаре.

Автор грешит и тем, что дает иногда, — правда, редко, — одно начертание различным словам, например, орудие — оружие, час — часть — что. Непонятны обозначения: «сказать» — две точки, «крест» — знак креста, требующие при этом отрыва и часто условные.

Словарь этот стенографу-практику не даст ничего и, пожалуй, до некоторой степени

может быть использован в конечной стадии обучения стенографии, при условии устранения указанных дефектов.

«Словарь в 1300 слов и полный курс стенографии». Составил А. А. Егоров. Из-во «Двиг». Владивосток. 1926 г., стр., 90, цена 1 р. Тираж 3000 экз.

Словарь А. А. Егорова построен сравнительно с его объемом более удачно, производных слов насчитывается всего около ста, расположение материала выдержано строго по алфавиту.

По поводу включения в словарь производных слов надо сказать, что Питман в введении к своему словарю дает ряд указаний и правил образования производных слов. На этот путь встал и А. А. Егоров, который на 20 страницах, предшествующих самому словарю, кратко излагает теорию системы, дает приставки и окончания и особо несколько страниц посвящает самому словарю и здесь дает указания, как образовывать начертания производных слов. Все же в словаре мы видим, как уже сказано, около сотни производных слов. Теория системы и словарь, составленные А. А. Егоровым, не вносят в систему Габельсбергера ничего нового, мы видим, что здесь нет попытки отойти от некоторых минусов системы. Здесь налицо отрывки, как в словах с окончаниями: *ный, ий, тор, овать, ент*, так и в ряде слов: *анализ, аналогия, Антанга, большие* (в три приема), *как-либо, контроль, техника, везде, наиболее, направо, налево* и др. Чрезвычайно большое применение А. А. Егоров дает точке, употребляя ее и для придания особого значения тому или другому значку, помещая точку с разных сторон этого значка, и для обозначения слов: *сказать, так сказать, угол зрения, анализ*. Ряд начертаний получает обратный нормальному наклон, например, в словах: *тариф, жертва, Франция, республика, иерархия*. Есть сходные начертания различных слов, например: *ответственный руководитель и отдел труда, мог и момент, кроме и конкретно*.

Как на минус, нужно указать на совершенно условные начертания, данные ряду слов. Здесь мы видим пресловутое *«большое»*, означаемое знаком плюс, *крестьянин* — знаком креста, *точка зрения* — кружок и внутри точка и т. п. Если можно допустить ряд общепринятых условных начертаний для обозначения слов: *термометр, градус, перпендикуляр, равно, плюс, процент* и т. п., то против чисто условных начертаний приходится резко возражать.

Н. М. Крулев и В. Л. Тицнер. Словарь сокращений и фразеграмм по системе Габельсбергера-Крулева. Изд. авторов. Москва. 1927 г., стр., 106, ц. 5 руб. Тираж 1500 экз.

Можно было предполагать, что составители третьего по счету русского стенографического словаря Н. М. Крулев и В. Л. Тицнер учтут опыт первых двух словарей и что недостатки, которые есть в работах А. Д. Писаревского и А. А. Егорова, будут устранены.

В словаре Крулев-Тицнер, имеющем уже значительно больший объем (около 3300 слов), мы имеем в круглых цифрах следующее распределение слов: основных слов 1700, производных 700 и остальное фразеграммы.

При построении этого словаря, вступление от принятой системы, не выдержано расположение слов по алфавиту, что затрудняет пользование этим словарем. В предисловии к словарю авторы указывают, что «фразеграммы расположены по первому существительному или же по первому слову». В ряде случаев отыскание того или иного выражения благодаря этому несколько замедляется.

Составители словаря не предпослали в начале своего труда никаких правил образования производных слов и этим следует объяснить перегруженность словаря вводными словами, составляющими более пятой части всего материала словаря. Достаточно было бы дать слова в основных формах (для имен существительных, прилагательных, местоимений — именительный падеж единственного числа, для глаголов — неопределенное наклонение) и совершенно исключить такие слова (а их очень большое количество), как: *заслушан, увеличивается, уведомил, полагает, хозяйничают* и т. д. При наличии слова *интеллект* можно было бы не давать производные: *интеллектуально, интеллектуальность, интеллигент, интеллигенция*. Подобных примеров можно привести множество.

К недостаткам словаря надо отнести, с одной стороны, наличие мало употребляемых сейчас слов, как, например, *Большая Антанга, Ватикан, величество* и др., совершенно не употребляющихся и неправильных слов, например, *активная база, фирменный заказ, электролизация, турбиногенератор, дефляция*, а, с другой стороны, отсутствие многих весьма часто встречающихся слов, которым надо было дать место в словаре. Нет слов *величие и величина* (при наличии слова *величество*), *военком, военкомат*, нет выражения *Советская Россия* (есть *царская Россия*), далее нет слов *совнархоз, оружие, наркомат*, не дано наименования ни одного наркомата и т. д. Примеры можно было бы продолжить еще.

Останавливаясь далее на графических моментах, следует отметить:

а) **Отрывы.** Отрывы в пределах одного слова имеют место в очень большом числе в значительной мере благодаря окончаниям (*мейстер, ный, ент*), выписываемым отдельно. Общее количество начертаний с отрывами доходит до 13% всего числа начертаний. Мы имеем ряд начертаний в два приема, в три приема и даже в четыре приема (!?) для начертания двух слов *«большое развитие»*.

Смысл и значение фразеграмм заключается именно в том, что одним стенографическим начертанием обозначается несколько слов, составляющих установившееся выражение, употребляющееся именно в данном постоянном соединении их.

Здесь особенно важна краткость (и, конечно, характерность и резкость) этих

начертаний, чрезвычайно важна экономия движений и стрывы, оспариваемые вообще, тем более неуместны здесь.

б) Точка. Осуждая точку, как останковку руки, как момент, нарушающий динамику письма, мы не можем согласиться с широким применением ее в словаре Крулева-Тецлер. Ряд очень распространенных слов и выражений в своем начертании содержит точку (*вопрос, когда, лицо, материя, сказал* и др.).

в) Одинаковые начертания различных слов. Чем можно объяснить, что авторы давали одно начертание двум, трем, четырем и даже семи словам? Подобное явление странно при общепризнанном богатстве графики системы Габельсбергера, при резкости и характерности знаков системы. В нескольких десятках случаев (свыше ста) мы наблюдаем указанное явление, и если даже представить себе, что в ряде случаев при чтении стенограммы нельзя было бы допустить искажения текста, читая стенограмму по смыслу, то в значительном числе случаев и это допущение не выдерживает критики. Странно представить себе стенографа, расшифровывающего стенограмму и подбирающего для одного обозначения одно из пяти слов: *глава, голова, голос, глас, голод* или одно из семи слов: *стабилизация, статистика, статья, штат, штаб, страх, степень*. Непопятно, чем руководились авторы, давая одно начертание для слов: *скотоводство* и *законодательство* и даже: *закон* и *склад*; *фигура* и *физкультура*, а рядом: *культура* и *фактура*, *ров, род, рог, рознь, публика, луд, путь* и т. д.

г) Различные начертания для одного и того же слова. Большое количество слов и выражений имеют по два начертания. Констатируя это, как минус, как невыдержанность построения сокращенных словоначертаний, позволим себе не останавливаться на этом.

д) Нелогичность построения ряда производных слов. Слову *плата* дано одно начертание, слово же *зарплата* получает начертание совершенно иное. То же мы видим, когда слову *помощь* дано одно начертание, а *в помощь* и особенно *мед. помощь* резко стлчаются, от него; *граница*, но *ограничил* и т. д.

е) Сложность начертаний. Здесь надо отметить чрезвычайно мелкие знаки слов: *союз, материальная помощь*, знаки очень сложные, как, например, *филантропический, тюремная больница, комитет взаимопомощи, свобода критики, землеустройство* и др. Очень полно и длинно дано выписывание некоторых слов, например, *экстерриториальность, скрещивается* и др.

Словарь Н. Н. Соколова по его системе очень краток по своему объему и не отличается по характеру от рассмотренных словарей. Словарь Н. Н. Соколова также грешит рядом отмеченных недостатков и не может отвечать всем требованиям, предъявляемым к стенографическому словарю.

Просмотр всех этих словарей показывает, что вопрос о стенографическом сло-

варе в русской стенографии не разрешен.

Но если нам, стенографам СССР, нельзя еще и мечтать о той разработанности и сбилии словарей, как это имеет место в Англии и Америке, то, во всяком случае, вопрос об издании достаточно полного стенографического словаря с устранением ошибок и недочетов вышедших в свет работ должен быть поставлен в порядок дня.

Несомненно все же, что рассмотренные пособия сыграют свою роль при изучении стенографии, на первых шагах практической работы, но вполне законченному стенографу-практику они существенной пользы не принесут.

Вл. Даниель-бак.

А. ВИХЛЯЕВ. Коммерческая корреспонденция. Полное руководство к составлению деловых бумаг. Московское Академическое Издательство, 1926, стр. 90, ц. 1 р. 25 к.

Трудно себе представить, по каким соображениям солидное издательство, как «Макиз», решилось на выпуск этой безграмотной книги. Автор ее надеется, «что она послужит для развития мысли при практической работе в области торговой корреспонденции». Но мы думаем, что лучше уж эту мысль предоставить самой себе, чем развивать в том направлении, какое ей придают законные формы довоенной канцелярщины худшего разбора: «не откажетесь почтить нас своими заказами», «не преминем служить Вам», «в ожидании ответа пребываем» и т. п. пережитки.

Помимо того, что книга страдает самой небрежной корректурой, она блещет еще такими перлами канцелярского «стиля», как «30-дневный наличный расчет, казалося бы, для кредита был бы вполне достаточным», «настоящий заказ предпосылает бесплатную высылку одного экземпляра» и т. д., и т. п.

К книге приложен словарь коммерческих терминов, в котором имеется, напр., такое «меткое» определение:

«К о н к у р с — временное управление избранных займодавцев делами своего несостоятельного должника».

Можно только пожелать, чтобы таких книг больше не выпускалось.

* * *

Ф. А. ДЕРЮГИН. Практика канцелярии. Настольный справочник и руководство для администраторов, секретарей, делопроизводителей учр. и предпр. СССР. Ленинград, 1926 г., стр. 120.

Небольшая, портативная справочная книжка заключает в себе краткие сведения по основным вопросам делопроизводства и корреспонденции и много чисто практических указаний, напр., о средних нормах выработки, об учете выработки, о том, когда и где ставится печать, какая выбирается в отдельных случаях бумага, лента, восковка и т. п., о важных мелочах ежедневной канцелярской работы.

Касаясь вскользь роли стенографии в канцелярском аппарате, автор, к сожалению, ограничился только упоминанием о стенографировании докладов на заседаниях.

Одной из основных своих задач автор справочника поставил стремление «нормализовать неписанный обычай канцелярии — практику ее, обосновать ее и тем содействовать планомерной и организованной работе».

Значительное место в справочнике уделено выдержкам из законов о труде, применительно к нуждам канцелярских работников, а также «постановлениям и распоряжениям правительственной власти, касающимся организационной стороны канц. работ»: юридические справки о личном составе, об архиве и проч.

* * *

П. Л. Гурьянов. Делопроизводство в связи с коммерческой и банковской корреспонденцией. Издат. «Экономич. Образование», Ленинград, 1927, 263 стр., ц. 1 р. 70 к.

Книга П. Л. Гурьянова может служить хорошим пособием при изучении основ делопроизводства и корреспонденции, канцелярских знаний, так необходимых нашим стенографам. В книге приводятся как теоретические обоснования той или иной формы делопроизводства, так и достаточное число необходимых образцов и форм. Каждый отдел сопровождается вопросами для повторения и проверки пройденного.

Большим упущением со стороны автора необходимо признать полное отсутствие в книге какого бы то ни было упоминания о стенографии, о роли ее в канцелярской технике и значении ускоренного письма хотя бы в отдельных делопроизводственных процессах.

Ленинград, 1927 г.

И. Дауман.

Ответственный редактор **Р. Вексман.**

Издатель **ЦК ССТС.**

ВЫШЕЛ В СВЕТ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
УЧЕБНИК СТЕНОГРАФИИ

по слуховой системе
ТЕРНЕ-ГИЛЬДЕБРАНД

ПРОРАБОТАН В МОСКОВСК. НАУЧН.-СТЕНОГРАФИЧ. О-ВЕ
СЕКЦИЕЙ ТЕРНЕ.

===== ДОПУЩЕН ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ =====

Издатель: Московск. Научн.-Стен. О-во

ЦЕНА УЧЕБНИКА ВМЕСТЕ С АТЛАСОМ СТЕНОГР. ТАБЛИЦ — 2 р. 85 коп.

Членам профсоюзов и учащимся 20% скидки

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва 34, Большой Афанасьевский пер., № 6, МНСО